

December 2020/ Декабрь 2020

The Political Turmoil in Belarus: Current Realities and Foreseeable Prospects

Политические Потрясения в Беларуси: Текущие Реалии и Обозримые Перспективы

This is a joint publication of the Wilfried Martens Centre for European Studies and Konrad-Adenauer-Stiftung Belarus.

The Wilfried Martens Centre for European Studies is the political foundation and think tank of the European People's Party (EPP), dedicated to the promotion of Christian Democrat, conservative and likeminded political values.

Konrad-Adenauer-Stiftung is a German political foundation, closely associated with the Christian Democratic Union of Germany (CDU). The Konrad-Adenauer-Stiftung supports and makes stronger bilateral relations of the Republic of Belarus with the Federal Republic of Germany and the European Union.

This publication has received funding from the European Parliament.

The Wilfried Martens Centre for European Studies and the Konrad-Adenauer-Stiftung Belarus assume no responsibility for the facts or opinions expressed in this publication or any subsequent use of the information contained therein. Sole responsibility lies with the authors of the publication.

Это совместное издание Центра европейских исследований им. Вилфрида Мартенса и Фонда им. Конрада Аденауэра Беларусь.

Центр европейских исследований Вильфрида Мартенса - политический фонд и аналитический центр Европейской народной партии (ЕНП), занимающийся продвижением христианско-демократических, консервативных и других схожих политических ценностей.

Фонд им. Конрада Аденауэра - немецкий политический фонд, тесно связанный с Христианско-демократическим союзом Германии (ХДС). Фонд им. Конрада Аденауэра поддерживает и укрепляет двусторонние отношения Республики Беларусь с Федеративной Республикой Германия и Европейским Союзом.

Это издание получило финансирование от Европейского парламента.

Центр европейских исследований им. Вильфрида Мартенса и Фонд им. Конрада Аденауэра не несут ответственности за факты или мнения, выраженные в этой публикации, или за любое последующее использование содержащейся в ней информации. Исключительная ответственность лежит на авторах публикации.

Table of Contents / Содержание

The Belarusian crisis: a foreign policy dimension / Artyom Shraibman	3
Белорусский кризис: внешнеполитическое измерение / Артем Шрайбман	8
Belarus-Lithuania: vision of future relations through understanding their past / Kiryl Atamanchyk	14
Беларусь - Литва: взгляд на перспективу отношений через её ретроспективу / Кирилл Атаманчик	24
Belarusian protests 2020 from inside to outside: what about geopolitics? / Tatsiana Chulitskaya	36
Белорусский протест 2020 г. изнутри: как насчет геополитики? / Татьяна Чулицкая	41

The Belarusian crisis: a foreign policy dimension

Artyom Shraibman

Followed by protests and crackdown, the presidential elections 2020 came as a game changer in the domestic politics or even the history of Belarus. Just as much, their aftermath constitutes a shock for Minsk's external policy, with more repercussions yet to come. The international legitimacy crisis faced by Aliaksandr Lukashenka limits his room for manoeuvre drastically.

The further scenario of the domestic political crisis is impossible to predict. As a point of departure, this article takes a basic scenario with Lukashenka staying in power in a short run of 1 to 2 years, while continuing to face internal turbulences of varying scales.

The economic crisis and issues in accessing international borrowing markets make Minsk even more dependent on Moscow than before. However, bearing in mind the depth of the political turmoil in Belarus, it is not valid to claim that Moscow has a free hand over the destiny of their weakened ally. A misstep by Kremlin can quickly aggravate the Belarusian crisis; the Russian government surely realizes this.

Relations with the West: natural atrophy

Marked by repressions and limitations of fundamental freedoms at all stages, the electoral campaign 2020 had no chance of improving Belarus' relations with its Western partners. For a first time in its history, the country saw political imprisonments in run-up to, rather than after, elections; popular candidates were disqualified before the registration phase. International and domestic election observation suffered severe restrictions. The only question to be answered was how deep the backset in relations with Brussels and Washington would be, and whether the normalisation of 2015-2020 would

be saved. The unprecedented crackdown in the wake of the elections gave a dismal answer to this question.

In their rhetoric, the Belarusian government reintroduced accusations against Poland, Lithuania and the US of coordinating the protests. In addition to rejecting the Western states' proposals on OSCE mediation in the domestic crisis, Lukashenka refused direct contacts with the European leaders, including Angela Merkel who tried contacting him.

The Western capitals, such as Berlin, Washington, Warsaw, Vilnius, Brussels, accompanied by Kyiv and others, came out with unprecedentedly tough statements, including a non-recognition of Lukashenka as a legitimate president. Except for frozen high-level contacts, practical implications of this position are yet to be seen. Still looking like quite a radical scenario, a refusal to deliver ambassador credentials is nevertheless an option. This would lead to downgrading diplomatic ties at least with some European countries sticking to the most principled stance, such as Lithuania and Poland.

Personal sanctions against Belarusian officials responsible for human rights violations and electoral fraud come as another manifestation of relations put on hold. The sanctions lists of the US, EU and probably the UK would be different from each other; however, the available information suggests they would affect dozens, or hundreds in the case of Baltic States. The effect of personal sanctions being largely symbolic, they have no prospects of changing the behaviour of the Belarusian governments. None of the potential targets of the sanctions would see a right to possess bank accounts in, or travel to, the EU or US as a

reason strong enough to turn their back on Lukashenka.

Cooling in relations with the EU is likely to result in scaling down or dropping technical assistance to the Belarusian authorities, and cutting EBRD and European Investment Bank's mandates to cooperate with state enterprises again. This would be the most painful in the range of the tools Brussels can utilize. However, even with the losses in foregone funds and loans potentially counting in hundreds of millions of euros a year, it would not force the Belarusian regime to change its line. Preserving and consolidating his power is an unquestionable priority for Lukashenka, and he would readily sacrifice relations with the West for the sake of it.

The unfolding crisis has yet again revealed the fundamental deficiency in West-Minsk relations, namely the fact that Western actors have no sufficient leverage to influence Belarus' internal situation. Fragmented normalisation periods in 2008-2010 and in 2015-2020 proved not enough for the US, EU or member states thereof to grow their political or economic presence in Belarus up to a scale of Minsk reckoning with their opinion on major domestic policy decisions.

It is almost sure that Minsk will lose its image of a neutral peace-making platform on a Ukraine-Russia conflict. Via Leonid Kravchuk, Ukraine's representative in the contact group, Kyiv has already suggested moving talks from Minsk to Vienna. Dreams of the Belarusian diplomacy architect Uladzimir Makei about 'Eastern European Switzerland' or 'Helsinki-2' in Minsk are not to come true under Lukashenka.

Russia's interests and opportunities

Moscow is staying as the only external force with significant leverage over the domestic situation in Belarus. After the first protest week, Vladimir Putin's recognition of Lukashenka's legitimacy and hint at readiness to use the Russian National Guard Troops to suppress the Belarusian revolution came as important factors of reinforcing Lukashenka. Should he have stayed without this support, or should have Russia stayed neutral for some more weeks, the

Belarusian establishment could have lost its firmness.

As came out later, Moscow did accommodate Lukashenka's request and place a law enforcement reserve on the border of Belarus. Putin announced on 27 August that the reserve would only be used if the situation spiralled out of control, with extremists seizing buildings and launching pogroms. The Russian troops returned to their permanent basing in mid-September, Moscow announced.

Russia Today TV journalists and Russian media technologists came to the Belarusian TV to pick vacancies released because of the strike and dismissals of some staff members. This was when the editorial policy of the Belarusian TV channels took a particularly radical line, depicting the protests, their supporters and leaders in the 'Ukrainian' pattern, i.e. as Russophobic Neo-Nazis ordered by the West to destroy Belarus by another Maidan [1].

Lasting many hours, the meeting of Putin and Lukashenka in Sochi on 14 September became a landmark event in Belarus-Russia post-election relations. Minsk was promised a loan of USD 1.5 billion, mostly to be used for refinancing the current Belarusian debts to Russia and Gazprom. The countries also reaffirmed their plans of joint military exercises.

There are several reasons of Moscow's decision to support Lukashenka. First, the Russian government is by default negative about any revolutions, especially in ally states. Kremlin sees any revolutionary processes in the post-Soviet area as an element of chaos with a potential to empower anti-Russian actors. With Lukashenka irreversibly burning bridges with the West, Belarus will never be able to seriously depart from Russia under his rule. In addition, Kremlin is conservative in issues like this. Inconvenient as he is, Lukashenka is still someone whom Putin knows well after working together for 20 years.

Second, Moscow had no alternative interlocutors in Belarus, a tactical victory of Lukashenka. Having

been routinely cleaning any pro-Russian opposition off the political field for years, he successfully decapitated the current protests repeatedly. Sviatlana Tsikhanouskaya and leaders of the Coordination Council were either forced abroad, or brought to custody. Moscow cannot talk to leaderless and unstructured protest masses. The fact that the remaining opposition leaders are in Lithuania or Poland, two harshest opponents of Russia in the EU, is another factor reducing their negotiability as seen by Moscow. Last but not least, bypassing Lukashenka for contacting anyone else in the Belarusian establishment is challenging, as the top officials beware their unauthorised talks with Moscow being reported to the president by all-searching security agencies.

Third, Russia was uninterested in the transformation of the conflict into open hostilities, with street clashes, seizures of buildings and bloody outcomes. Entailing a need to bring Russian troops into the country to stabilise the situation, this scenario would have cost a lot and caused flows of refugees from Belarus. Should have Moscow supported Lukashenka's opponents, he would most likely still have fought for power and brought about more bloodshed. Having supported him, Moscow gave Lukashenka a political and economic blank cheque for calming down the situation. Apparently, Kremlin concluded that Lukashenka is capable of achieving this, given the loyalty of his power apparatus and the protest dynamics.

This being said, it is wrong to see Moscow's support to Lukashenka as unconditional or irrevocable. This is a tactical step Kremlin needs for addressing a specific task of government transition in Belarus with Moscow keeping the upper hand. Multiple direct and indirect features indicate that Moscow prioritises the constitutional reform in Belarus over in-depth integration or new military bases.

Putin started the meeting in Sochi with supporting Lukashenka's idea about reforming the constitution. The Russian minister of foreign affairs Sergey Lavrov elaborated on this position on 18 September, declaring that, firstly, the discussion of the new constitution must be legitimate and include

members of all groups of the society, and secondly, this process should have a clear deadline and format announced. Lavrov repeated the same message on 22 September by claiming 'a need for specific and inclusive national dialogue platform' in Belarus.

Promised by Putin, the loan of 1.5 billion will come in stages, divided between this and next years. This mode leaves Moscow with a chance of manual control over tranches in case it found Minsk too slow in the constitutional reform or irresponsive to Russian wishes in this process.

The constitutional reform is a prologue to power transition in Belarus, the mid-term goal of Kremlin. The transition in Belarus and abandoning the current overly vertical presidential form of governance is in the interest of Moscow, because it wants more entry points into the Belarusian politics rather than only through the almighty president. More horizontal and pluralist political framework in Minsk would allow putting eggs in more than one basket, supporting other parties and actors, having more channels of influence, and using financial resources in the Belarusian politics more actively.

This is why it is premature to expect Moscow to use Lukashenka's vulnerable situation for making him sign documents on deepened integration in the Union State, or bringing Russian troops to Belarus. The basic reason is the lack of trust between Kremlin and Lukashenka, which is still there even though Minsk is forced to turn towards Moscow. Russia remembers that as recently as this summer the Belarusian authorities blamed Moscow for meddling with their elections, arrested Wagner mercenaries outside Minsk, and previously removed Gazprom shareholders from governing Belgazprombank only because the bank's former boss Viktor Babaryka had decided to run for president.

Rather than months, deep political and economic integration would take years. However, the mistrust in Lukashenka prevents Moscow from believing that he would deliver on his long-term promises, which he has given today in his vulnerable condition. The problem is that, should Lukashenka manage to

stabilise the situation in Belarus and consolidate his grip on power, he will be able to use numerous pretexts for revoking his signature or postponing the process. Should he not survive as a president, there will be nobody to deliver. The realisation that Lukashenka might be not forever is the most likely explanation of why the loan is so modest and given step-by-step, with memories still fresh in Moscow about the Viktor Yanukovich lesson costing 3 billion dollars, given to him prior to the overthrow and never regained.

In addition, attempts to squeeze maximum integration concessions out of Lukashenka could pour oil on flames of the Belarusian domestic clashes. While the absolute majority of Belarusians support independence, they are also positive about Russia and the current level of integration. Attempts to impose more integration via unpopular Lukashenka would add the flavour of national liberation struggle to the protests, leading to dramatic decrease of pro-Russian orientation. This contradicts the goal of temporary stabilisation of Lukashenka's regime and manageable transition under his control.

Even though Moscow is the only player with strong tools of pressure upon Lukashenka, the future of their relationship is far from unambiguous. Even in his seemingly desperate situation, Lukashenka is not a more comfortable partner to deal with. The crisis 2020 made him more illegitimate internationally and domestically than Moscow would like. It is not fully clear how to engage in dialogue with him or to hold him accountable on his promises.

We could imagine a very realistic scenario of Lukashenka putting down the surge of protests and refusing to give up power quickly. Instead of the national inclusive dialogue, he would engage in window-dressing with loyalist parties and movements, resulting in cosmetic constitutional amendments and the same ruler clinging to power. Should Kremlin decide to punish him politically or economically, they could push his regime into a downfall, triggering a new outburst of revolution in Belarus, something Moscow was trying to prevent. On the other hand, relying on carrot rather than

stick, first, would be expensive and humiliating for Moscow, and second, would empower Lukashenka to stay in power longer, strengthening his temptation to stop obeying at all.

Steering Lukashenka on the Moscow-preferred course is challenging. It is far from certain that the Russian government will make it, with its habit of using primitive methods and no long-term strategies when operating in the post-Soviet area. Eruptions of new conflicts with Lukashenka, provoking his emotional retaliation, are highly possible, along with Kremlin's attempts to launch alternative political projects in Belarus to circumvent Lukashenka, and other surprises. In this regard, the role of Russia in resolving the Belarusian political crisis is no more predictable than the dynamics of domestic protests in Belarus.

A role for the West?

This analysis could create an impression that the triangle 'Belarusian people – Lukashenka – Kremlin' will determine the future of Belarus, with no place for Western stakeholders. It is only partially the case.

True, both official Minsk and Moscow reject an idea of international mediation in the Belarusian conflict, involving Western powers or European institutions, inter alia OSCE. Along with lack of trust in international institutions, the reason is that Lukashenka sees no need to engage in equal dialogue with anybody in the country, making mediation unnecessary in his view. What it takes is to recognise the legitimacy of the alternative, something he consistently rejects.

It is also true that the West possesses no resources to strengthen the opposition or help it topple the regime. Even if the resources were there, this kind of interference would provoke Russia towards an even more open intervention, while avoiding the Ukrainian scenario in Belarus appears to be the task number one for EU and its leaders.

However, the collective West maintains at least two indirect tools of influencing the trajectory of the Belarusian transit. The first could be labelled 'the Marshall Plan' for Belarus. To put it briefly, a money

package would be made available for Belarus in case of its democratic transformation. The Polish Prime Minister Mateusz Morawiecki put forth this idea in the EU in mid-September. The amount that he referred to, 1 billion euro, is too modest for the task; Warsaw at least put it on the agenda, though.

Definitely, no money offered would turn Lukashenka into a democrat. Still, the very presence of this lifeline on the horizon could serve an important incentive for a part of Belarusian elites in a situation of full bankruptcy looming ahead. With Russia making tough terms on one hand, and Lukashenka in his desperate attempts to stay in power on the other hand, a growing will inside nomenklatura will be to pay attention to the EU's suggestion and push for the transit of power in this direction.

The second leverage is the minimisation of threats to the sovereignty of Belarus. The fact that Moscow is unwilling to proceed to incorporation of its western neighbour immediately does not mean that it will not develop this ambition in the future, should the situation be getting out of hand again. Consolidated and hard-line standpoint of

transatlantic capitals could reduce the risk of Crimean scenario for Belarus, with the West making a statement on a priori non-recognition of any deals restricting the Belarusian independence with the illegitimate government of Belarus. This would mean that such deals could cause tough and feasible sanctions, turning entire Belarus for Russia into a big Crimea-2, a new region demanding massive subsidies, isolated from international trade, investments, and financial transactions. Even though it does not guarantee that Kremlin would refrain from following the same instincts as in 2014 in Crimea, understanding the price of such actions for Moscow could reduce its appetites in a crisis.

Unlikely to be resolved in the short-term run, the Belarusian crisis will demand patience and strategic approach from all external actors, along with enduring focus on a country that used to stay conveniently forgotten for years.

About the author:

Artyom Shraibman - political analyst, founder of Sense Analytics.

Article dated September 2020.

List of references

1. Findings of Sense Analytics weekly monitoring of state TV narratives: <https://mediaiq.by/article/vedmy-vernulis-goskanaly-prodolzhayut-razdelyat-obshchestvo>

Белорусский кризис: внешнеполитическое измерение

Артем Шрайбман

Президентские выборы 2020 года и последовавшие за ними протесты и репрессии стали переломным процессом во внутренней политике, если не сказать – в истории Беларуси. Не меньшим шоком стали и еще станут их последствия для внешней политики Минска. Кризис международной легитимности, с которой столкнулся Александр Лукашенко, радикально сужает его поле для маневра.

Невозможно предсказать, как будет развиваться политический кризис внутри страны. Эта статья исходит из следующего базового сценария: Лукашенко сохраняет власть в краткосрочной перспективе (1-2 года), продолжая сталкиваться с внутренней турбулентностью разной интенсивности.

Экономический кризис и проблемы с доступом к международным рынкам заимствований делают потенциальную зависимость Минска от Москвы еще более значимой, чем раньше. Но учитывая глубину политического кризиса в самой Беларуси, нельзя утверждать, что и у Москвы развязаны руки в вопросе того, что делать со своим ослабленным союзником. Неосторожные шаги Кремля способны быстро усугубить белорусский кризис, и российские власти не могут этого не осознавать.

Введение

Избирательная кампания лета 2020 года не могла улучшить отношения Беларуси и ее западных партнеров. Репрессии и ограничения базовых свобод сопровождали все этапы выборов. Впервые в истории страны политзаключенные появились еще до дня голосования, популярных кандидатов снимали с гонки до этапа регистрации, международное и внутреннее наблюдение за выборами было

предельно ограничено. Оставался открытым лишь вопрос о том, насколько глубоким будет откат в отношениях с Брюсселем и Вашингтоном, удастся ли не похоронить плоды нормализации 2015–2020 годов. Беспрецедентные репрессии после дня выборов дали неутешительный ответ на этот вопрос.

В риторику белорусской власти вернулись обвинения Польши, Литвы и США в координации протестов. Александр Лукашенко отверг не только предложения западных государств о посредничестве ОБСЕ во внутреннем кризисе, но и отказался от прямых контактов с европейскими лидерами, включая Ангелу Меркель, которая пыталась с ним связаться.

Сами западные столицы – Берлин, Вашингтон, Варшава, Вильнюс, Брюссель, а также Киев, и другие – сделали ряд беспрецедентно жестких заявлений, включая отказ признавать Лукашенко легитимным президентом. Пока неясно, какие практические последствия, кроме заморозки контактов на высшем уровне, будет иметь эта позиция. Отказ от вручения послами верительных грамот Лукашенко пока выглядит достаточно радикальным сценарием, который, тем не менее, уже нельзя исключать. В этом случае ситуация может дойти до понижения уровня дипломатических отношений, по крайней мере с некоторыми европейскими странами, занявшими самую принципиальную позицию (Литва, Польша).

Другим проявлением заморозки отношений будут персональные санкции в отношении белорусских чиновников, ответственных за нарушения прав человека и фальсификацию выборов. Санкционные списки США, Евросоюза и, вероятно, Великобритании, будут отличаться

друг от друга, однако, судя по доступной информации, речь будет идти о десятках человек (более сотни в случае стран Балтии).

Персональные санкции обладают скорее символическим эффектом. Они не способны повлиять на поведение белорусской власти. Никто из потенциальных фигурантов санкционных списков не считает право иметь банковские счета в ЕС или США, или путешествовать в эти страны, достаточным доводом, чтобы проявить нелояльность к Александру Лукашенко.

Охлаждение отношений с Евросоюзом, вероятно, приведет к уменьшению или отказу от технической помощи белорусским властям, а также вновь урежет мандат ЕБРР и Европейского инвестиционного банка на работу с госпредприятиями. Ущерб может измеряться сотнями миллионов евро недополученных средств и кредитов в год. Но даже эти, самые болезненные из возможных действий Брюсселя, не способны убедить белорусский режим сменить курс поведения. Сохранение и консолидация власти – бесспорный приоритет для Лукашенко, и если для этого придется заморозить отношения с Западом, так тому и быть.

Разворачивающийся кризис в очередной раз обнажил глубинный дефект отношений Минска и коллективного Запада – отсутствие у западных акторов достаточных рычагов влияния на внутреннюю ситуацию в Беларуси. Прерывистые периоды нормализации отношений (2008–2010 гг., 2015–2020 гг.) оказались недостаточными, чтобы США, Евросоюз или его страны-члены увеличили своё политическое или экономическое присутствие в Беларуси настолько, чтобы Минск считался с их мнением при принятии судьбоносных внутриполитических решений.

Почти гарантированно, в результате кризиса Минск потеряет свой образ нейтральной миротворческой площадки по украино-российскому конфликту. Киев, устами своего

представителя в контактной группе Леонида Кравчука, уже предложил перенести переговоры из Минска в Вену. Мечты архитектора белорусской дипломатии Владимира Макея о «восточноевропейской Швейцарии» или «Хельсинки-2» в Минске уже не будут реализованы при Лукашенко.

Интересы и возможности России

Москва остается единственной внешней силой с серьезными рычагами воздействия на внутрибелорусскую ситуацию. Признание легитимности Лукашенко со стороны Владимира Путина, а также его намек на готовность использовать силы Росгвардии в пресечении белорусской революции стали важными факторами усиления позиций Лукашенко после первой недели протестов. Если бы он остался без этой поддержки, или Россия хотя бы оставалась нейтральной еще несколько недель, белорусская номенклатура могла бы не остаться такой монолитной.

Как выяснилось позже, Москва действительно выделила резерв сотрудников правоохранительных органов и разместила его на границе с Беларусью по просьбе Лукашенко. 27 августа Путин заявил, что резерв будет использован только при выходе ситуации из-под контроля – если экстремисты начнут захватывать здания и устраивать погромы. В середине сентября, по заявлениям Москвы, российские силовики вернулись в места своей постоянной дислокации.

Российские журналисты с телеканала Russia Today и медиатехнологи приехали на белорусское ТВ, чтобы заполнить вакансии, освободившиеся из-за забастовки и увольнений части сотрудников телевидения. Это совпало по времени с предельной радикализацией редакционной политики белорусских госканалов: протесты, их сторонники и лидеры стали описываться по украинскому образцу – как русофобы-неонацисты, которые по заказу Запада хотят развалить Беларусь и устроить еще один Майдан [1].

Самым знаковым событием в белорусско-российских отношениях после выборов стала многочасовая встреча Путина и Лукашенко в Сочи 14 сентября. Минску был обещан кредит на 1,5 млрд долларов, который будет в основном израсходован на рефинансирование сегодняшних долгов Беларуси перед Россией и Газпромом. Стороны также подтвердили все планы по совместным военным учениям.

Москва решила поддержать Лукашенко по нескольким причинам. Во-первых, российская власть по умолчанию негативно настроена по отношению к любым революциям, особенно у своих союзников. В восприятии Кремля любые революционные процессы в постсоветских странах несут в себе заряд хаоса, волна которого может вынести во власть антироссийские силы. Лукашенко же настолько безвозвратно сжег мосты с Западом, что при нем Беларусь уже не сможет всерьез отдалиться от России. Кроме того, Кремль консервативен в таких вопросах. Лукашенко, хоть и не самый комфортный собеседник, но он понятен Путину, они вместе работали 20 лет.

Во-вторых, у Москвы не было альтернативных собеседников в Беларуси, и это тактическая победа Лукашенко. Он не только годами методично зачищал политическое поле от пророссийской оппозиции, но и несколько раз обезглавил сегодняшнее протестное движение. Светлана Тихановская и лидеры Координационного совета оппозиции были либо выдвинуты из страны, либо арестованы. Разговаривать с протестной массой без лидеров и структур Москва не может. Нахождение части из оставшихся на свободе лидеров оппозиции в Литве и Польше (два самых ярых оппонента России внутри ЕС) дополнительно снижает договороспособность этих политиков в глазах Москвы. Контакты же с белорусской номенклатурой в обход Лукашенко затруднены из-за того, что высшие чиновники опасаются, что наблюдающие за каждым из них спецслужбы донесут президенту о несанкционированных связях с Москвой.

В-третьих, Россия не была заинтересована в переходе политического конфликта в Беларуси в силовую фазу – с уличными столкновениями, захватами зданий и кровавой развязкой. Такой сценарий означал бы вероятную необходимость вводить российские войска для стабилизации ситуации, тратить на это огромные ресурсы, получать потоки беженцев из Беларуси. Если бы Москва поддержала не Лукашенко, а его оппонентов, он бы все равно, скорее всего, боролся за власть и мог бы довести ситуацию до еще большей крови. А поддержав его, Москва дала Лукашенко политический и экономический карт-бланш на то, чтобы он успокоил ситуацию сам. Очевидно, в Кремле пришли к выводу, что Лукашенко способен это сделать, учитывая лояльность его силовых структур и динамику протестов.

При этом всем, поддержку Лукашенко со стороны Москвы ошибочно расценивать как безоговорочную и безотзывную. Это тактический ход, который нужен Кремлю для решения конкретной задачи – транзита власти в Беларуси на предпочтительных для Москвы условиях. По ряду прямых и косвенных признаков можно судить, что именно конституционная реформа в Беларуси, а не углубленная интеграция или новые военные базы, являются сегодня приоритетом для Москвы.

Со слов о поддержке идеи Лукашенко о реформе конституции Путин начал встречу с ним в Сочи. 18 сентября глава МИД России Сергей Лавров расширил эту позицию, заявив, что, во-первых, обсуждение новой конституции должно быть легитимным и включить представителей всех слоев белорусского общества, а во-вторых – нужно объявить конкретные сроки и формат этого процесса. 22 сентября Лавров повторил эти тезисы, заявив, что в Беларуси «ощущается необходимость конкретной, инклюзивной площадки для общенационального диалога».

Кредит в 1,5 млрд долларов, который пообещал Владимир Путин, будет выдаваться в несколько этапов – частично в этом году, частично – в следующем. Этот формат позволит Москве в

ручном режиме задерживать транши, если она посчитает, что Минск медлит с реформой конституции или пытается провести этот процесс без учета российских пожеланий.

Конституционная реформа – пролог к транзиту власти в Беларуси, и именно в этом состоит среднесрочная цель Кремля. Транзит власти в Беларуси и отказ от сегодняшней суперпрезидентской, вертикальной формы правления выгоден Москве потому, что она хочет иметь больше точек входа в белорусскую политику, чем через одного всевластного президента. Более горизонтальная и плюралистическая политическая система в Минске позволит не складывать яйца в одну корзину, поддерживать разные партии и силы, иметь больше каналов влияния в стране, более активно использовать свои финансовые ресурсы в белорусской политике.

Поэтому кажутся преждевременными опасения о том, что Москва воспользуется уязвимостью Лукашенко, чтобы заставить его немедленно подписать документы об углубленной интеграции в рамках Союзного государства или разместить российские войска на белорусской территории. Базовая причина – недоверие между Кремлем и Лукашенко, которое никуда не ушло от того, что сегодня Минск вынужден был повернуться в сторону Москвы. В России помнят, что еще летом именно ее обвиняли во вмешательстве в белорусские выборы, арестовывали ее наемников-вагнеровцев под Минском, а до этого забирали Белгазпромбанк из-под управления акционеров («Газпрома») лишь потому, что бывший руководитель банка Виктор Бабарико решил пойти в президенты.

Глубокая политическая или экономическая интеграция не могут быть реализованы за несколько месяцев, на это потребуется минимум 1-2 года. Но из-за недоверия к Лукашенко, Москва не может рассчитывать, что он выполнит долгосрочные обещания, которые он дал в сегодняшнем уязвимом положении. Ведь если Лукашенко удастся стабилизировать ситуацию в Беларуси и консолидировать свою власть, он

может под разными предложениями отозвать свою подпись или начать затягивать процесс. А если ему не удастся усидеть, то выполнять эти соглашения будет некому. Осознание того, что Лукашенко может быть не вечен, скорее всего, и привело к тому, что кредит выдается в таком небольшом размере и в поэтапной форме – Москва помнит урок Виктора Януковича и 3 млрд долларов, которые дала ему перед его свержением и до сих пор не может получить назад.

Кроме того, попытки быстро выжать из Лукашенко максимум интеграционных уступок могут подлить бензина во внутрибелорусский конфликт. Подавляющее большинство белорусов с одной стороны выступают за независимость, с другой стороны – хорошо относятся к России и к сегодняшнему уровню интеграции с ней. Попытки форсировать интеграцию через непопулярного Лукашенко придадут протестам привкус национально-освободительной борьбы и резко снизят пророссийские ориентации в белорусском обществе. Это противоречит цели временной стабилизации режима Лукашенко и проведения спокойного транзита его руками.

Несмотря на то, что только у Москвы есть серьезные инструменты давления на Лукашенко, будущее их отношений далеко не однозначно. Даже его, казалось бы, отчаянное положение, не делает Лукашенко более комфортным собеседником. Его международная и внутренняя легитимность во время кризиса 2020 года оказались подорваны сильнее, чем хотелось бы Москве. Теперь не до конца ясно, как вести с ним диалог и контролировать выполнение его обещаний.

Представим себе вполне реальный сценарий. Лукашенко сбивает волну массовых протестов и отказывается проводить быстрый транзит власти. Вместо общенационального инклюзивного диалога он устраивает профанацию с привлечением лояльных партий и движений. Затем вносит в конституцию косметические правки и продолжает держаться за власть. Если Кремль захочет политически или

экономически наказать Лукашенко за это, он может тем самым столкнуть его режим в пропасть, дав триггер для нового этапа белорусской революции, которую Москва и пыталась предотвратить. Если же не использовать кнут, а работать с Минском лишь пряниками, это будет, во-первых, дорого и унижительно для Москвы, во-вторых – даст Лукашенко больше ресурсов для сохранения власти на более долгий срок, то есть усилит его соблазн вообще перестать слушать российские требования.

В такой ситуации направить Лукашенко в нужное Москве русло – сложная задача. Нет никакой уверенности, что российская власть, привыкшая работать на постсоветском пространстве грубыми методами и без долгосрочных стратегий, с этой задачей справится. Вполне вероятно срывы в новые конфликты с Лукашенко, его эмоциональные ответные шаги, попытки Кремля запустить альтернативные политические проекты в Беларуси в обход Лукашенко и другие сюрпризы. В этом смысле роль России в разрешении белорусского политического кризиса не более предсказуема, чем сама внутренняя динамика протестов в Беларуси.

Есть ли место для Запада?

Из этого анализа может сложиться впечатление, что будущее Беларуси будет решаться в треугольнике «белорусский народ – Лукашенко – Кремль», и здесь нет никакого места для западных игроков. Это верно лишь отчасти.

Да, и официальный Минск, и Москва отвергают идею международного посредничества в белорусском конфликте с участием западных стран или европейских структур, в том числе – ОБСЕ. Дело не только в недоверии международным институтам, но и в том, что Лукашенко не считает нужным вести с кем-то внутри страны равноправный диалог с какой-либо медиацией. Для него это равноценно признанию легитимности второй стороны, что он настойчиво отказывается делать.

Ресурсов на то, чтобы усилить оппозицию и помочь ей свергнуть режим, у Запада также нет. Даже если бы они были, подобное вмешательство спровоцировало бы еще более открытую интервенцию России. А избежать повторения украинского сценария в Беларуси, кажется, стало главной задачей для ЕС и его лидеров.

Тем не менее, у коллективного Запада сохраняется, как минимум, два косвенных инструмента влияния на траекторию белорусского транзита. Первый можно условно назвать «планом Маршалла» для Беларуси. Если коротко, это сумма средств, которая будет доступна для Беларуси в случае ее демократической трансформации. Эту идею в Евросоюзе выдвинул премьер-министр Польши Матеуш Моравецки в середине сентября. Размер фонда, о котором говорил он – 1 млрд евро – слишком скромная сумма для этой задачи, но Варшава хотя бы поставила этот вопрос на повестку дня.

Разумеется, любые предложения денег не сделают из Лукашенко демократа. Но само наличие этого спасательного круга на горизонте может стать важным мотивирующим фактором для части белорусских элит в ситуации, когда страна придет к риску полного банкротства. Если с одной стороны будет выставляющая жесткие требования Россия, с другой – отчаянно цепляющийся за власть Лукашенко, толкающий страну к разорению, внутри номенклатуры будет зреть запрос на то, чтобы обратить внимание на такое предложение Евросоюза и двигать транзит власти именно в эту сторону.

Второй рычаг воздействия – минимизация угроз суверенитету Беларуси. Отсутствие сейчас у Москвы задачи немедленно инкорпорировать западную соседку не означает, что такое желание не появится в будущем, если ситуация снова будет выходить из-под контроля. Уменьшить риск крымского сценария для Беларуси может консолидированная и жесткая позиция западных столиц по обе стороны Атлантики. Запад может заявить, что априори не признает никакие

сделки, ограничивающие белорусский суверенитет, подписанные с нелегитимной белорусской властью. Это будет значить, что заключение таких сделок вызовет конкретные и жесткие санкции, которые превратят для России белорусскую территорию в большой Крым – новый регион, требующий массивных дотаций, изолированный от международной торговли, инвестиций и финансовых транзакций. Понимание такой цены своих действий может уменьшить аппетиты Москвы в кризисной ситуации, хотя, разумеется, не гарантирует, что Кремль не пойдет на поводу у тех же своих

инстинктов, что сработали в 2014 году в Крыму. Белорусский кризис вряд ли разрешится в краткосрочной перспективе. Это значит, что от всех внешних игроков требуется не только терпение и стратегический подход к ситуации, но и длительное внимание к стране, которую последние годы было принято не замечать.

Об авторе:

Артем Шрайбман - политический аналитик, основатель Sense Analytics.

Дата написания статьи: сентябрь 2020.

Список литературы

1. По данным еженедельного мониторинга нарративов гостВ от Sense Analytics <https://mediaiq.by/article/vedmy-vernulis-goskanaly-prodolzhayut-razdelyat-obshchestvo>

Belarus-Lithuania: vision of future relations through understanding their past

Kiryl Atamanchyk

Background: from communalities to contradictions

Sharing a centuries-long common history, peoples of Belarus and Lithuania lived for ages together. Rather than being mere neighbours, they actually stayed within boundaries of the same state entities, such as the Grand Duchy of Lithuania, the Commonwealth of Two Nations, the Russian Empire, and the Soviet Union, throughout most of co-existence. When the notion of nation emerged, the two peoples moved on to develop their own national projects. With languages being very different, a Baltic one for Lithuanians and a Slavic one for Belarusians, both nations nevertheless would unite their forces in fighting joint enemies. Belarusians and Lithuanians shared common or very similar goals in joining Kosciuszko uprising, and the revolts of 1830-1831 and 1863-1864. The policy of Russification was a reality in what today is both Lithuania and Belarus. The Russian empire banned both languages from using. Therefore, with all cultural differences and dissimilar languages, the two nations were always very close to each other.

For both nations, 1918 came as a landmark year, both Lithuania and Belarus declaring their Independence Acts under a roughly identical framework, namely the de facto German occupation. The Stalin terror and joining the Soviet Union followed, along with the World War II. During the recent 100 years of history, with external conditions still being similar, the 'national projects' diverged in their strength. Thanks to the growing role of the Lithuanian language and culture, and the supportive contribution of the Catholic Church, the Lithuanian national project became stronger. The Belarusian national project faced more challenges, as the national intellectual elite was almost fully exterminated prior to the World War II and, in fact, fully liquidated under Stalin's rule. The vacuum

proved difficult to fill up, halting the development of the Belarusian national identity and eventually coming into play at historical crossroads.

The process of the Soviet Union collapse was highly symbolical, as well. Lithuania pioneered as the first country to announce its secession from the USSR by passing the Independence Restoration Act on 11 March 1990 and paying its 'price' for courage and determination in its freedom fight a year later, during the tragic events in Vilnius in January 1991. Belarus was the one closing the final chapter of USSR dissolution on 8 December 1991 in Belavezha Forest, preceded by the Declaration on Independence of Belarus on 27 July 1990. Notably, Lithuanians had to sacrifice a lot for their leadership and bravery, including the human losses. However, Belarusians also contributed to these processes. Many of them received state awards of the Republic of Lithuania to commemorate these events.

It was mostly after the collapse of the Soviet Union when the political cultures of Lithuanians and Belarusians drifted apart. In both countries, 'national fronts' supported by groups of MPs fought for independence, with 'front' leaders subsequently losing the majority support in their countries and the main bulks of populations turning to other values more understandable for them. In 1994, Aliaksandr Lukashenka came to power in Belarus, with his vision of restoring the Soviet past in independent Belarus, followed by the pro-Russian integration. After the victory of the 'front' in Lithuania, the first free presidential elections in 1993 brought to power Algirdas Brazauskas, the former actor of the USSR Communist Party. Yet, the Lithuanian elites chose the integration with the Western Europe over the restoration of ties with Russia. Moreover, the Constitution of the Republic of Lithuania included the Constitutional Act on non-

alignment with post-Soviet eastern alliances, as a legislative vaccine against such attempts in the future.

This is when the divergence between Lithuania and Belarus became so evident. Belarus consolidated its authoritarian regime and ran a referendum on replacing the national symbols with altered BSSR symbols. While some political opponents of the current regime went missing, another referendum enabled the president to stay in power for an unlimited number of tenures. The autocratic course was cemented in 2010 for another decade. At the same time, Lithuania chose the path of European integration, and entered the EU and NATO. By 2020, six persons had served as presidents of Lithuania following its separation from the USSR, unlike Belarus where Lukashenka held this position uninterrupted since 1994. The status quo was dented for the first time in 26 years on 9 August 2020.

Incompatible worldviews doomed to live nearby

Is it easy to live next to someone with different views, values, language, and, in general, a different system of axes? This is a proper analogy with the Lithuania-Belarus neighbourhood, especially in previous 15 years. For Lithuania, Lukashenka's regime is like a neighbour you avoid meeting and talking to, though living next door.

In 2004, the European Humanities University, a Belarusian university in exile closed down by authorities in Minsk, moved to Vilnius. The Lithuanian capital hosted a growing Belarusian anti-Lukashenka enclave since 2005. Lithuania was friendly towards Lukashenka's rivals in run-up to the presidential elections in 2006, raising concerns for the Belarusian ruler because of events in Georgia and Ukraine unfolding in the background. In the end, the OSCE observation mission found the elections-2006 in Belarus as falling foul of OSCE standards, leading to cooling down political relations. Yet, it hardly affected the economic ties, with the turnover of commodities permanently growing until 2009, when it decreased because of the global economic crisis. Lithuania tried to be

consistent in, on one hand, supporting the civil society, but on the other hand, keeping economy high on the agenda, while Lukashenka's regime preferred speaking exclusively about the economic component, and omitting the political and societal ones.

Dalia Grybauskaitė won at elections in Lithuania in 2009. The same year, Lukashenka paid a first visit to Lithuania in 10 years. In her attempt of resetting bilateral ties, Grybauskaitė chose trade and economy as number-one points on the agenda, particularly relevant for both countries in the aftermath of the global downturn. Running ahead of the story, we can note that the commodity circulation between Belarus and Lithuania did grow in a stable fashion after 2009. Grybauskaitė came to Minsk on a return visit in 2010, on the peak of the presidential campaign in Belarus, with her being not the only European leader to visit Minsk on the background of Kremlin-Lukashenka information war. However, the Lithuania-Belarus political ties got cold immediately after the 2010 presidential elections, falling short of the democratic standards again. As a response to fraud and massive crackdown, Lukashenka and his entourage were sanctioned. In 2011, the incident of the Belarusian human rights defender Ales Bialiatski stirred up the Belarus-Lithuania relations following the Lithuanian bank spreadsheets of Bialiatski being shared by Lithuanian state bodies with Belarusian counterparts. With these documents used against Bialiatski in court, international scandal erupted, while Bialiatski ended up spending three years in prison. Many other incidents occurred between Belarus and Lithuania until 2014; however, 2014 is a landmark point for the bilateral relations, mostly because of the beginning of the construction of the nuclear power plant in Astraviec and the events in Ukraine.

The developments in Ukraine largely overshadowed the construction in Astraviec, launched in 2014 with setting up the fundamentals. The topic was raised before 2014, too, even with some attempts of 'boycotting' the power import; however, it was beyond constant focus of Lithuanian policy-makers. They thought that the plant was still a distant future.

A point to discuss later, the power plant in Astraviec would eventually become a gigantic stumbling block in dealings of the two states. At the same time, the war in the east of Ukraine created a big security challenge for both Lithuania and Belarus.

Lukashenka a lesser evil?

After the annexation of Crimea by Russia and its support to separatists in eastern Ukraine, Lithuania and Belarus reconsidered their attitudes towards Kremlin's policies. It led to the emerging perception of Lukashenka as a 'lesser evil', compared to his previous title of 'the last dictator of Europe'. Kremlin's aggression made both countries anxious. Minsk saw protests against building a Russian military base in Belarus in 2015; the base never emerged. Weeks later, Lukashenka was re-elected for another 5-week term. Even though the OSCE did not recognise these elections as democratic, either, there were no big protests. Significant opponents had been almost fully cleaned off the political field.

The reconfirmed 5-year mandate enabled Lukashenka to proceed towards consolidating his power. The defeat of the democratic opposition and the lack of mass protests sent a message to Lithuania and the entire EU that Lukashenka is to stay in control for another five years, and they had no leverage against him; giving no much impact, the sanctions looked rather meaningless. With focus having shifted to Ukrainian events and other international issues, Lukashenka and his entourage were out of the sanctions list by 2016, while the EU switched to the dialogue policy vis-à-vis Lukashenka to disoblige Russia. Both Lithuanian and Western European politicians widely accepted the status quo in relations with Belarus, having opted to rely on step-by-step dialogue-based approach in attempts to influence Lukashenka's behaviours or Belarus' international agenda.

The joint Belarusian-Russian military exercise Zapad-2017 made no impact on this agenda, despite common assumptions that Russian troops would come to Belarus to stay. Not only has the dialogue approach helped Lukashenka and his elites get rid of the sanctions; in addition, he succeeded in developing the 'multivectoral' foreign orientation

based on premises 'don't leave us alone with Russia' and 'the closer we are to you, the further we are from Russia'. This tactic was operable until 2020.

The stumbling plant

The nuclear power plant in Astraviec stayed as the most significant stumbling block in inter-state contacts between Belarus and Lithuania. As mentioned above, the Lithuanian political elites overlooked this issue at the stage of preparation. The actual start of the construction fuelled the tensions, though, as the intensity of the conflict in eastern Ukraine came down from high to stable, making the Lithuanian establishment refocus on Astraviec.

Each new incident at the plant would make the tension worse. Lithuania reacted instantly to the information in 2016 about a reactor vessel suffering damage. The installation of the vessel was suspended, and inspections were launched. Should media have not found out, causing international outcry, the authoritarian government could well have concealed the incident.

With the Astraviec nuclear plant firmly stuck in the political agenda of Lithuania, its leadership finally realised the inevitability of the plant commissioning and took more active measures to oppose it inasmuch as possible. The Astraviec issue developed into an important agenda point in fighting for votes. Lithuania initiated special training and announced the purchase of iodine medication for its population.

Until the presidential elections in Belarus, Lithuania kept trying in vain to orchestrate the boycott against the power supplies from Astraviec plant. Latvia stayed unwilling to sign the document for a long time. However, the events in Belarus reenergised the idea in favour of Lithuania. Lithuania, Latvia and Estonia agreed to restrict the electricity trade with Belarus once the plant in Astraviec is commissioned.

By October 2020, the power plant in Astraviec is staying out of full-fledged operation, its launch repeatedly postponed. The most recent data indicate that the full commissioning is planned for 2022. However, the issue of Astraviec will stay on the

political and economic agenda between the two countries even once the political regime of Lukashenka changes. Lithuania is likely to stay firm on it. For Belarus, the power plant is mostly about Lukashenka's political image, with an important economic component in addition. Belarus has borrowed USD 6 billion from Russia, a huge budget line for Belarus, which cannot be resolved overnight, especially amidst the political and economic crisis, and the international power trade confrontation.

Lithuania-Belarus relations in 2019 and first half of 2020

The opinion poll in 2019 showed that 32% Belarusians are pro-European and slightly above 40% hold pro-Russian views. 44% Lithuanians saw Belarus as a friendly state in 2020. These figures indicate the background of the new milestone in Lithuania-Belarus relations coming up. Polls indicate mutual friendliness of a similar level.

Vilnius hosted a very important event for the two nations in late 2019, the ceremony of reburying the remains of 1863-64 insurgents, including the uprising chiefs, Kalinoŭski and Sierakoŭski (Lithuanian: Kalinauskas and Sierakauskas). Why does this event, attended by high-ranking guests from many countries, including Belarus, deserve a special mention? The reason is that it came as a major consolidating factor for the Belarusian society. Belarus sees Kalinoŭski and other 1863-64 insurgents as national heroes and key figures of its national 'pantheon' of personalities. The very fact that Kastuŭ Kalinoŭski was identified and recognised 155 years after his tragic death agitated the Belarusian public. The fact that the ceremony took place on a weekday in the capital of a neighbouring state did not stop thousands of Belarusians from coming to bid goodbye to their icon. The farewell turned out to be one of the biggest gatherings of Belarusians in 2019. The deputy prime minister Ihar Petryshenka led the official Belarusian delegation and gave a speech along with presidents Nausėda and Duda of Lithuania and Poland. Containing some contradictory statements, Petryshenka's speech was booed by the crowd outside the Vilnius Cathedral.

With the Lithuanian public somewhat surprised by the massive turnout of Belarusians in Vilnius, Belarus came back to agendas of all Lithuanian media.

Roughly a month since the events in Vilnius, Minsk became another scene of mass protests, this time against the developing Belarus-Russia integration. With Lukashenka taking a relatively strong stance on further integration and postponing any serious agreements, Russia faced a predicament. Importantly, the authorities in Minsk refrained from dispersing the protests during the meeting of the presidents of Belarus and Russia. Many experts saw it as a sign that these protests actually served as important backing for Lukashenka by creating a certain image and background noise during his talks with Putin. However, when talks were over, many protesters were fined or arrested post factum, in a demonstration by the government that it is fully in control and capable of using the public mood as it sees fit.

2020: few could have predicted it

As the coronavirus pandemic hit Lithuania and Belarus in spring 2020, the countries took polar opposite stances on the issue. Like many others, Lithuania rushed to lockdown and border closures, with daily information on the ongoing situation and government's attempts to rescue the most affected industries with financial packages.

At the same time, Belarus was in its search of its 'own way'. While the borders stayed open, state media admonished the population to relax, claiming the government was in control and the problem was not that bad. Lukashenka came out with his landmark statement that 'goats, tractors and sauna cure the virus', and made offensive remarks about the first virus victims in Belarus, provoking a small flash mob on the web with Belarusians imagining epitaphs Lukashenka would use to describe their possible death because of Covid. With hospitals crowded with patients, economic help was not available, making the Belarusians realise they were one-on-one with the pandemic problem and causing a surge of outrage.

In fact, Lukashenka's negligence towards people's health and lives became one of the key triggers of public dissatisfaction. The state propaganda tried portraying Belarus' strategy vis-à-vis coronavirus in association with the 'Swedish model'; yet, the autocracy could not follow the Swedish example a priori. In the absence of freedom of expression, there were multiple indications that the Belarusian government chose the model of concealing the actual scale of the pandemic consequences in the country.

The President of Lithuania Gitanas Nausėda made statements on coronavirus situation in Belarus on 1 April, calling the Belarusian leadership to take stronger measures against the pandemic. Lukashenka responded angrily, advising the Lithuanian counterpart to 'deal with the virus in his own country'. Weeks later, the Lithuanian and Belarusian presidents discussed international cooperation, coronavirus and Astraviec power plant on phone. Notably, Lithuania sent relief supplies to Belarus in summer 2020, despite official statements of the Belarusian government that it did not need help. Poland was another EU member state granting humanitarian aid to Belarus for tackling the pandemic.

Running ahead of the story again, an important fact to bear in mind is that, in summer 2020, the UN indicated excessive mortality of 5.500 in Belarus, compared to previous years. Belarus never published its own mortality data; still, the public found out from the UN, which relied on submissions from the government. At the time of writing, the official coronavirus death toll in Belarus is 933.

The Belarusian presidential campaign 2020

Many analysts foresaw the 2020 presidential campaign in Belarus as a repetition of the dull 2015 race. In doing so, they failed to consider important developments, such as the fatigue of the public, the growth of social media, emerging candidates from outside the 'classical opposition', and the coronavirus pandemic.

Candidacies of Viktor Babaryka, Valery Tsapkala and

Siarhei Tsikhanouski took many by surprise. At the registration stage, the government took traditional measures to filter out the 'protest candidate' Tsikhanouski, resulting in his wife Sviatlana filing documents instead of her spouse. Herself having stayed quite passive in signature collection and campaigning, her initiative group nevertheless collected 100.000 signatures for her registration. Babaryka and Tsapkala both collected way more than 100.000 signatures; however, they were denied registration, causing the first outbreak of street protests in summer 2020. Understanding that Sviatlana Tsikhanouskaya had no organisation to rely on, and no experience of political campaigning, the Belarusian CEC decided to register her as a candidate for the sake of window dressing, to lull the public and foreign countries traditionally closely watching presidential races in Belarus. Traditionally, the government registered some other candidates as spoilers, to imitate the competition.

What happened then might end up as a chapter in the Belarusian history textbooks. A common Belarusian housewife yet yesterday, Tsikhanouskaya consolidated her efforts with the teams of Babaryka and Tsapkala, led by Maryia Kalesnikava and Veranika Tsapkala, respectively. In what is maybe the strongest presidential campaign throughout the history of Belarus, the three women gathered thousands and thousands even in towns of Belarus, believed to be Lukashenka's strongholds. The final rally in Minsk, attended by some 50.000, sent a clear message that Tsikhanouskaya was aiming at a victory, due to the public dissatisfaction of a scale clearly underestimated by the authorities.

At the same time, Lithuania had assumed the wait-and-see approach. Having somewhat given in to the Belarusian propaganda about a big 'Russian trace' behind the candidates, the Lithuanians were suspicious about developments in Belarus, engaging in cautious communications with the candidates' teams. State media in Belarus escalated the topic of the alleged Russian connections of the new Lukashenka's opponents, in order to divide the usually monolithic protest vote; they were perfectly aware that the victory of an openly 'pro-Russian candidate' is worse than Lukashenka for many

protest voters. Importantly, this propaganda did make a segment of the protest electorate turn their back on Tsikhanouskaya and her campaign.

As a result, a curious situation had developed in Belarus by 9 August 2020. By this date, CEC had taken care of keeping independent members out of electoral commissions at precinct and district levels, and made sure independent observers are out of the polling stations and, especially, the vote-count. Ready for possible fraud, the Tsikhanouskaya team mobilised thousands as independent poll-watchers across the country. Moreover, Golos/Holas platform was designed, subsequently an effective tool for collecting evidence of falsifications from common voters rather than only observers. In a massive campaign outside polling stations abroad, exit polls documented Tsikhanouskaya's victory in the first round.

Yet, let us come back to the August 9. By this date, the CEC announced the early voting turnout of 40%. This figure was obviously in conflict with observers' findings. The Election Day was marked by massive violations seen by observers, making many voters suspicious, and long lines at polling stations, causing some voters to be kept out by the time when polling stations had to close down. Precinct commissions refused to display the final vote-count protocols at many polling stations and left the buildings in the company of police, fuelling more mistrust in results and making it close to certain that the elections had been rigged. Mass protests followed in Minsk, and regional and municipal centres of Belarus.

August 9 as the red line

The mass repressions unfold by the Belarusian government after the closure of the polling stations are going to stay in history as one of the cruellest in the history of independent Belarus. By the time of writing, more than 14.000 have gone through administrative arrests, over 400 criminal cases launched against peaceful protesters, more than 100 political prisoners are staying behind the bars, and some are killed or injured. Political opponents, such as Tsikhanouskaya, members of the Coordination Council, and Tadeush Kandrusевич, the head of the Belarusian Catholics, are expelled

from the country; thousands of others have fled.

The EU has introduced sanctions against Lukashenka regime again. Abandoning its claims against Russia for allegedly interfering in Belarusian domestic affairs, the government of Belarus turned to Kremlin for political and financial support.

This situation enables the analysis of the Belarus-Lithuania inter-state relations in two dimensions: a public dimension and an economic dimension.

The public dimension

Having offered shelter to Tsikhanouskaya, the Lithuanian leadership has de facto undertaken important public and political responsibility. The Belarusian opposition has taken root in Vilnius, their headquarters enjoying political backing and solidarity. Importantly, Lithuania is capable and most likely going to play one of the leading parts in the EU on Belarus. Having opened a humanitarian corridor, the country renders support to the civil society and the political opponents, even though the borders stay closed by Covid. In a large-scale solidarity move, Lithuanians lined up in a live chain between the centre of their capital and the Belarusian border on 23 August. This leading role cannot but influence the bilateral relations. The Ministry of Foreign Affairs of Belarus called on Lithuania to cut the number of embassy staff in Belarus in early October. Simultaneously, the ambassador of Belarus in Lithuania was recalled from Vilnius, while the Belarusian MFA announced counter-sanctions against Lithuanian, Latvian and Estonian officials.

By claiming leadership on the Belarusian issue, Lithuania is seeking to reinforce its political grounding in Brussels and the European arena. Dominance on this issue offers some bonuses to Lithuanian elites; some politicians even used the white-red-white flags at their Facebook campaign pictures during their parliamentary campaigns, exemplifying a use of the fashion for domestic political market.

As far as the prospects of relations with Belarus are concerned, it all depends on the scenario chosen by

the government of, and the developments unfolding in, Belarus. Having put all their money on the Belarusian opposition coming to power in the nearest future, the Lithuanian elites can expect good contacts and some preferences in communication and solving inter-state issues, including those on the hot issue of Astraviec nuclear power plant, should this scenario materialise.

The economic dimension

In economy, relations appear much calmer than in politics, so far, with both countries making quite cautious statements, aware of risks to state budgets in case of any drastic measures.

Like other neighbours of Belarus, Lithuania is in a headhunt among businesses fleeing the country, primarily in IT. Despite easing some requirements for high-skilled professionals from Belarus and relocations of entire companies, Lithuania is still losing in attractiveness to other countries, mostly because of its stringent financial restrictions and migration procedures. By 15 October 2020, 1.200 IT specialists from Belarus had left for Ukraine, with hundreds of them passing Poland on their way.

The issue of transportation and logistics is particularly important for the Lithuanian port of Klaipeda. It is a common knowledge that Belarus relies on Klaipeda harbour and Lithuanian railway network for exports and imports of many goods, including potassium fertilisers and oil. Losing this share of economy to sanctions against Belarus would be a major blow for Lithuania. By October 2020, the use of Klaipeda Port for Belarusian cargoes is staying on the same level, despite the previous bold statements of the Belarusian leadership. Another important economic aspect for Lithuania, the transit by roads, is a sphere of cooperation with Belarus and Russia for many Lithuanian transport companies, with any crises in the industry hitting Lithuanian businesses. Currently, this sector is under the harshest pressure of the Belarusian authorities. Not fully blocked yet, this group of vehicles undergoes the most thorough inspections when crossing the Lithuanian-Belarusian border. The problems at this border have encouraged carriers to choose bypass routes.

However, this measure by the Belarusian authorities is a rather symbolic gibe in response to the political measures.

Yet, proposals to re-orient freights from Klaipeda to Baltic ports of Russia keep coming from Lukashenka's lips. How serious are such statements is a good question, since the whole supply chain and infrastructure of these ports along with the quality of work would increase the production costs, and cause significant risks in setting a new route and all logistical processes. Even if this reorientation happened, it is not in a short run, which could take years even should Lukashenka stay in power.

Belarus is also set to fight for its IT sector. The relocation of high-skilled Belarusian professionals to Ukraine, Poland and Baltics has been mentioned. Because of that, the Belarusian MFA sent a note to the ambassador of Ukraine in Belarus 'for unfriendliness'. Yet, the outflow of workers continues. Due to the presence of political prisoners, including those working in IT, with PandaDoc coming as a key example, along with regular internet interruptions and serious reputational losses, Belarus is losing in attractiveness for this business. Improvement of situation is hard to notice yet, at least before the political crisis in Belarus settles down.

The nuclear power plant in Astraviec is another important aspect to note. As noted above, the Lithuanian leadership failed to resolve the issue of boycotting the power coming to the Baltic market, as Latvia did not want to embrace a hard-line approach. However, the political crisis in Belarus helped Lithuania to accomplish the deal and make Latvia agree to what it wanted. Astraviec power plant is a major challenge for the Belarusian economy, especially in the context of poor export opportunities. While the boycott by Lithuania, Latvia and Estonia will affect the profitability, the safety standards will stay as a toxic issue on inter-state agenda between Lithuania and Belarus.

To sum up the Lithuania-Belarus relations in the aftermath of 9 August 2020, they resemble a cold war between two incompatible political camps with

conflicting values. At the same time, the globalisation, neighbourhood and economic profit amidst the coronavirus pandemic make the both countries count money and mind the budget gap. Even though Lithuania has much better access to credit, the issue is painful for both countries. The Belarusian leadership has driven itself into a corner, leaving the Russian Federation as the de facto last source of funding. While neither China nor Azerbaijan will be willing to give money to a weak regime with no guarantees of regaining them whatsoever, Russia views supporting such regimes as a symbolic support gesture and 'keeping its front going', rather than serious structural assistance with a goal of stabilising the market, economy and welfare in such states. IMF loans are out of question, at least as long as Lukashenka is in power.

Future prospects

Before looking into possible outcomes and prospects of further interactions between Lithuania and Belarus, understanding possible scenarios in Belarus is crucial, since they will most likely determine the future of bilateral ties.

Below, some scenarios are outlined, believed by the author to be the likeliest in Belarus. At this point, it is important to identify essential actors that can make the key difference.

1. The Belarusian public. This is actually the main stakeholder in Belarus. With all variations in assessments between Lukashenka having a plurality and the victory of Tsikhanouskaya in the first round, we can be confident that the acting government has no electoral majority behind it, this being the key reason of such lengthy protests, lasting months. As the society is a complicated system of horizontal ties, it is difficult to expect overwhelming solidarity, determination and monolithic performance in the situation of Belarus where the economy is mostly about the state sector (state-owned companies), the state propaganda is in action, workers are on short term contracts, and many experts agree on the 'legal default' situation. The current situation is similar to a 'peat-land fire', which the government is trying to put down by all means at hand. Importantly though, the authorities have lost the legitimacy for the majority

and are not likely to regain it while the status quo endures.

2. The Russian factor. It is mostly thanks to the Russian factor that Lukashenka managed to maintain power after the tragic events of 9-11 August in Belarus. Why is Russian factor more important than the governance system in Belarus? To put it briefly, some surveys indicate that Putin is more popular in Belarus than Lukashenka is. With roughly the same base supporting these two politicians in Belarus, this very fact is negative for Lukashenka. Security agencies (siloviki) and state officials always bear in mind the Russian views on Belarusian issues. It is especially true for the siloviki, famous for their pro-Russian beliefs. Should Kremlin have a ready plan for regime change in Belarus here and now, they would most likely succeed in implementing it. Add the resources of Russian propaganda, information space, and economic pressure. However, as some experts point out, Kremlin is better off with weak and helpless Lukashenka, who is easy to handle and exert power upon.

3. The Belarusian power hierarchy. With their significant financial and human resources, and the coercion monopoly, the Belarusian authorities either do not yet understand what is happening, or they pretend not to. This is a new situation for the Belarusian elites, making them fully isolated: largely unattractive for the public, they are unacceptable for the West and in vassal status for the East. Under pressure from everywhere, the government has to look for solutions as actively as possible. Having little to offer to any of the stakeholders, it will try playing its old 'multivectoral policy' card and preserving the status quo by introducing cosmetic changes.

4. EU and US. These are largely the weakest actors on the Belarusian political arena, given their limited leverage upon Lukashenka regime. Most realistic scenario is that these actors will limit their performance to declarations and visa sanctions. Arguably, the EU and US sanctions are quite limited in effect, and the Belarusian government has learnt to go around them. Visa sanctions are a mere stone

in a shoe for the Belarusian elites, causing a minor inconvenience and nothing more. During the 26 years of Lukashenka's autocracy, EU and US proved weak vis-à-vis Belarus; this can hardly be expected to change, despite multiple declarations to be made on supporting the civil society, condemnations of the Belarusian authorities, and calls for dialogue.

Therefore, having revised the key actors on the Belarusian political scene, we can foresee possible scenarios:

1. The constitutional reform, parliamentary elections and early presidential elections in Belarus. In this scenario, one of the likeliest as of today and supervised by Kremlin, the regime will undergo cosmetic rehabilitation via an attempt of a dialogue with those ready to play by the rules of the power machine. Reprisals against the political opposition will endure, with political prisoners staying behind the bars at least before all transformations are through. The economy will be in permanent crisis. Some top governmental and security officials are to be punished for show, and the Chairperson of CEC will be dismissed. Opposition parties or candidates will be let into the parliament as a systemic opposition to a new party of power to be created in imitation of the United Russia. Better prepared for the new presidential elections, Russia will make efforts to appoint a successor to her liking and guarantee safety to Lukashenka and his family. In addition, he will try to secure a place in power and a say over the politics in Belarus. On this background, EU and US will demand meaningful and comprehensive structural reforms, call for a genuine dialogue, and not recognise the new elections and Russia's interference in the internal affairs of Belarus. The opposition will stay fragmented, a significant share of labour force and intellectual elites will emigrate, and the society will become more passive.

2. The rapid deterioration of political and economic situation leaves no time for the political reform and holding new elections under the government's control. A new surge of strikes provokes new crackdown, strengthening the demoralisation of elites and Kremlin's mistrust in Lukashenka's

reliability and capability of transforming the regime in Kremlin-preferred fashion. The government attempts at a dialogue with what they see as 'constructive opposition'. Kremlin plays a role of mediator to stay present and in some control. While the majority of political prisoners are released, some security officials and the head of CEC are exposed to disciplinary sanctions. The Belarusian political opposition splits to those ready and unready to negotiate in the existing framework. After this, the constitutional reform and new presidential elections (or vice versa) take place under Kremlin's supervision. Lukashenka does not run, but he receives security guarantees for himself and his family. As a result, a compromise figure comes to power as a balance of interests between the society, the government and Kremlin, launching slow reforms and very long blame-shifting over the events of 9-11 August 2020. EU and US welcome the dialogue and declare readiness to support Belarus and its new leadership. The economic situation is permanently bad, though displaying some progress towards reforms.

3. Black Swan are some other scenarios that can occur by circumstance, all of the following the most likely out of the least likely:

- Split of elites (officials and security agents) causes the shift of power either to an openly pro-Russian candidate from among the breakaway officials, or to supporters of Tsikhanouskaya. In either case, Lukashenka will have to sit down to talk to any of the conflicting parties, having no other choice left for him;

- Russia's military intervention in case of blatant violence on streets of Belarusian cities. With Lukashenka overthrown, the invaders establish an interim government fully controlled by Kremlin, raising a storm of indignation in EU and US.

- Sudden death of Lukashenka causing a complete misbalance of power in Belarus. This situation would be a prompt reaction test for the society and elites, as well as for Russia, unless Kremlin would stand behind the killing, meaning its full preparedness for this scenario.

Belarus-Lithuania relations to expect under each of the scenarios

Politically, Lithuania is mostly interested in a pro-European leader coming to power in Belarus, entailing more common ground and better neighbourhood; in many regards, Tsikhanouskaya would be a perfect figure for Lithuania. In such a case, having consistently supported democracy in Belarus would be an important reason for Lithuania to expect certain returns. Belarus, indeed, could be expected to make demonstrative steps towards Lithuania, in acknowledgement of support and solidarity.

A compromise figure, not necessarily pro-European, coming to power would create a window of opportunity for Lithuanian elites, making them strive to build friendly and mutually profitable relations, and find a common language. The new Belarusian leadership would mostly likely stick to pragmatic ties, too.

Should the change be cosmetic or should an openly pro-Russian candidate prevail, Lithuanian elites would face a choice between temporary shutdown of relations with Belarus under a motto 'reforms first, dialogue next', and an attempt to build maximally pragmatic relations in order to save face in the minds of the civil society of Belarus and to preserve close economic ties.

About the author:

Kirył Atamančyk - master in cultural heritage, and civil and political actor.

Article dated October 2020.

Беларусь - Литва: взгляд на перспективу отношений через её ретроспективу

Кирилл Атаманчик

Предыстория: от общего к противоположному

Народы Беларуси и Литвы связывает многовековое совместное прошлое. Два народа сотни лет жили не просто рядом, но и в одних государственных образованиях, например, Великом Княжестве Литовском, Речи Посполитой, Российской Империи и Советском Союзе. После формирования понятия «нация», два народа начинают формировать свои собственные национальные проекты. Несмотря на значительные различия в языке (балтская группа языков – у литовцев, славянская - у белорусов), оба народа объединяли свои усилия в борьбе с общими врагами. Восстания Т. Костюшко, восстания 1830-31 гг., а также восстания 1863-64 гг. в общем-то и для белорусов, и для литовцев имели общие или весьма близкие цели. Политика русификации также проходила и на современной территории Литвы, и на территории современной Беларуси. В Российской Империи оба языка попадали под запрет в использовании. Можно говорить о том, что несмотря на культурные различия и разные языки, оба народа всегда находились очень близко друг к другу.

1918 год также является знаковым для обоих народов, поскольку именно в этот год провозглашаются Акты независимости как Литвы, так и Беларуси. И снова-таки, в относительно равных условиях, а именно под де-факто немецкой оккупацией. Далее «сталинский террор», присоединение к Советскому Союзу, Вторая мировая война. Примерно последние 100 лет истории, страны хоть и были в схожих условиях, однако примерно в этот период наметилось расхождение в силе «национального проекта». Литовский национальный проект стал крепнуть благодаря укреплению роли литовского

языка и культуры, а также поддержке католического костёла, который во многом помогал в развитии литовского национального проекта. С белорусским национальным проектом всё было сложнее, поскольку практически всю национальную интеллигенцию уничтожили ещё перед Второй мировой войной, а в годы правления Сталина почти до конца ликвидировали. Образовался вакуум, который было сложно заполнить, и это отодвинуло развитие белорусской национальной идентичности несколько назад, что в перспективе во многом и сказалось на будущем страны.

Развал Советского Союза здесь также весьма символичен. Литва стала первой страной, которая объявила о выходе из состава СССР. 11 марта 1990 года, Литва принимает Акт о восстановлении независимости, а годом позднее, во время трагических событий января 1991 года в Вильнюсе, вносит свою «плату» за смелость и решительность в борьбе за независимость. Беларусь же закрепила и поставила точку в развале СССР 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще. Декларация о независимости Беларуси была принята ранее, 27 июля 1991 года. Отметим, что цена литовцев за смелость и лидерство была весьма высокой: человеческие жертвы. Однако, в этих событиях участвовали и многие белорусы. Некоторые из них были даже удостоены высоких государственных наград Литовской Республики в память об этих событиях.

Во многом именно после развала Советского Союза образовался чёткий разрыв между политической культурой литовцев и белорусов. Да, за восстановление независимости обеих стран боролись «национальные фронты» при

поддержке групп депутатов. Позже, лидеры «фронтов» несколько утратили поддержку большинства в своих странах, и произошёл откат к более понятным для большинства населения ценностям. Так, в 1994 году ко власти в Беларуси приходит Александр Лукашенко с его видением реставрации «советского» в уже независимой Беларуси (после чего берётся курс на интеграцию с Россией). В Литве после победы «фронта» на первых свободных президентских выборах в 1993 году избирается А. Бразаускас – бывший партийный деятель КПСС. Однако элитами Литвы всё же берётся курс на интеграцию с Западной Европой, а не реставрацию отношений с Россией. Более того, в Конституции Литовской Республики прописывается Конституционный Акт о неприсоединении Литвы к постсоветским восточным союзам. Тем самым на законодательном уровне литовские элиты делают «прививку» на будущее.

Здесь движение Литвы и Беларуси начинает стремительное разностороннее расхождение. В Беларуси укрепляется авторитарный режим, проводится Референдум о смене национальной символики на слегка изменённую символику времён БССР, начинают исчезать политические оппоненты действующей власти, проводится Референдум о возможности занимать должность президента неограниченное количество каденций. В 2010 году авторитарный режим полностью укрепляется и цементируется на ближайшее десятилетие. Литва же берёт курс на евроинтеграцию, входит в Европейский союз и НАТО. К 2020 году в Литве 6 разных человек занимали должность президента страны с момента её выхода из состава СССР. В Беларуси эту должность с 1994 года неизменно занимал Александр Лукашенко. Так было до 9 августа 2020 года, когда его статус впервые за 26 лет пошатнулся.

Соседи с разными мировоззрениями, которым нужно ужиться вместе

Легко ли быть соседом с кем-то, кто не придерживается твоих взглядов, не разделяет твои ценности, говорит с тобой на разных языках и вообще живёт в другой системе координат?

Такую аналогию можно провести с соседством Литвы и Беларуси, особенно в последние 15 лет. Режим Александра Лукашенко для Литвы – это как сосед, с которым тебе не очень приятно пересекаться и общаться, но вы живёте на одной лестничной площадке.

В 2004 году в Вильнюс переезжает Европейский гуманитарный университет – белорусский университет в изгнании, который власти Беларуси закрыли в Минске. В 2005 году в Вильнюсе формируется оппозиционно настроенный к Лукашенко белорусский анклав. Литва симпатизирует противникам Лукашенко перед президентскими выборами 2006 года, которых белорусский руководитель опасается, поскольку фоном выступают события в Грузии и Украине. В итоге, в 2006 году президентские выборы в Беларуси признаются наблюдательной миссией ОБСЕ «не соответствующими стандартам этой организации», и политические отношения несколько охлаждаются. Тем не менее, это практически не влияет на экономические взаимоотношения двух стран. Товарооборот стабильно растёт до 2009 года, когда он снижается вследствие мирового экономического кризиса. Литва старается занимать последовательную позицию в поддержке гражданского общества с одной стороны, но экономическую составляющую также держит на повестке дня, в то время как режим Лукашенко предпочитает говорить исключительно об экономической составляющей и опускать общественно-политическую.

В 2009 году на выборах в Литве побеждает Даля Грибаускайте. В этом же году в Литву с первым за 10 лет визитом едет Александр Лукашенко. Пытаясь дать импульс «перезагрузки» двусторонним отношениям, Д. Грибаускайте основным фоном переговоров делает вопросы торговли и экономики. Это особенно актуально для двух стран после мирового экономического кризиса. Забегая вперёд, нужно отметить, что товарооборот между Беларусью и Литвой после 2009 года действительно показывал стабильный рост. В 2010 году президент Литвы нанесла ответный визит в Минск. Визит состоялся в

разгар президентской кампании в Беларуси. И Д. Грибаускайте была не единственным европейским лидером, который посетил Минск с визитом на фоне информационной войны между Кремлём и А. Лукашенко. Однако уже после 2010 года, когда в Беларуси прошли очередные президентские выборы, которые также «не соответствовали стандартам организации», политические взаимоотношения Литвы и Беларуси остывают. За фальсификации и массовые политические репрессии против А. Лукашенко и его окружения вводятся санкции. В 2011 году отношения между Беларусью и Литвой всколыхнул инцидент с белорусским правозащитником А. Беяцким, когда литовские государственные структуры выдали белорусским ведомствам данные банковских счетов Беяцкого в Литве. Эти документы легли в основу обвинения, и разразился международный скандал. А. Беяцкий в итоге провёл 3 года в тюрьме. До 2014 года был и ряд других инцидентов между Беларусью и Литвой, однако именно 2014 год во многом является примечательным для двусторонних отношений этих стран и связан он с началом строительства Островецкой АЭС, а также событиями в Украине.

Во многом из-за событий в Украине руководство Литвы упустило из вида строительство Островецкой АЭС (в 2014 году начали возводить фундамент АЭС). Да, безусловно, и до этого года тема поднималась и даже предпринимались попытки «бойкота» возможных закупок электроэнергии, но она не была в достаточном фокусе внимания литовских политиков. Им казалось, что возведение станции – это всё ещё отдалённая перспектива. В последствии, об этом поговорим чуть ниже, именно Островецкая АЭС станет огромным камнем преткновения в политике двух стран. В то же самое время война, которая разразилась на востоке Украины, стала большим вызовом для безопасности как Литвы, так и Беларуси.

Лукашенко, как «меньшее зло»?

После аннексии Крымского полуострова Россией, а также поддержки сепаратистов на востоке Украины, Литва и Беларусь пересмотрели своё

отношение к политике Кремля. Во многом, именно в это время Лукашенко стал «меньшим злом», хотя ещё совсем недавно его называли «последним диктатором Европы». Агрессивная политика Кремля заставила насторожиться обе страны. В Минске, в 2015 году, незадолго до очередных президентских выборов, прошли протесты против российской военной базы на территории Беларуси (базы на момент написания этой статьи так и не появилось), а несколькими неделями позже А. Лукашенко вновь избрался на очередные 5 лет полномочий. И хотя эти выборы также не были признаны ОБСЕ демократическими, но и массовых протестов в стране не было. Политическое поле в стране было практически полностью зачищено от серьёзных оппонентов.

Получив мандат ещё на 5 лет, А. Лукашенко ещё больше укрепляет свою власть. Поражение демократической оппозиции и отсутствие массовых протестов дали сигнал как Литве, так и всему Европейскому союзу, что Лукашенко будет у руля ещё 5 лет и рычагов влияния у них нет, введённые санкции почти не работают, а значит и особого смысла не имеют. Фокус сместился на события в Украине и другие международные вопросы, и уже в 2016 году с А. Лукашенко и его окружения были сняты санкции, а Европейский союз начал реализовывать политику «диалога» с Лукашенко в пике политике России. Во многом как литовские, так и западноевропейские политики условились на «статус-кво» в отношениях с Беларусью и решили, что какими-то небольшими шагами в рамках «диалога» с ним смогут влиять на его действия или международную повестку Беларуси.

Совместные белорусско-российские военные учения «Запад-2017» также не повлияли на эту политику, хотя ходили предположения, что российские войска не выйдут с территории Беларуси. А. Лукашенко и его окружению с помощью «политики диалога» удалось не только избавиться от санкций, но и развивать свою политику «многовекторности», которая базировалась на тезисах «не оставляйте нас с Россией наедине» или «чем ближе мы к вам, тем

дальше от России». Эта тактика успешно работала до 2020 года.

Станция преткновения

Пожалуй, самым серьёзным камнем преткновения в межгосударственных отношениях Беларуси и Литвы остаётся Островецкая АЭС. Выше уже было упомянуто то, что на момент подготовки к строительству литовская политическая элита уделяла недостаточно внимания этому вопросу. Ситуация стала обостряться тогда, когда строительство реально началось, а градус напряжения на востоке Украины начал переходить из высокого в стабильный. Тогда взоры литовской политической элиты обратились на Островец.

Ситуация обострялась с каждым новым происшествием на станции. Так в 2016 году появилась информация о повреждении корпуса одного из реакторов. Реакция Литвы была мгновенной. Монтаж корпуса был приостановлен и начались проверки. Есть вероятность того, что авторитарные власти Беларуси намеренно скрыли бы этот инцидент, если бы он не получил огласку в СМИ и не последовало международной реакции.

После того, как Островецкая АЭС вошла в основной фокус политической повестки Литвы и литовское руководство окончательно осознало неизбежность запуска этой станции, начали предприниматься более активные меры по противодействию её запуску (на сколько, конечно, соседняя страна может влиять на это). Более того, вопрос Островецкой АЭС для многих литовских политиков стал политическим программным пунктом для борьбы за голоса избирателей в Литве. В Литве даже были инициированы специальные учения и заявлено о закупке йодосодержащих медикаментов для населения.

До событий с президентскими выборами в Беларуси Литва всё ещё тщетно пыталась устроить бойкот закупкам электроэнергии из Островецкой АЭС. Долгое время документ не хотела подписывать Латвия, однако нужный для

Литвы импульс дали события в Беларуси, они сыграли в пользу Литвы в этом вопросе. В итоге, между Литвой, Латвией и Эстонией было подписано соглашение, которое подразумевает ограничение в торговле электроэнергией с Беларусью после ввода в эксплуатацию Островецкой АЭС.

На момент октября 2020 года Островецкая АЭС всё ещё не была введена в полноценную эксплуатацию. Её запуск каждый раз откладывается. Последние данные говорят о том, что полный запуск запланирован на 2022 год. Тем не менее, вопрос Островецкой АЭС будет оставаться в политической и экономической повестке двух стран даже после смены политического режима Лукашенко. Для литовской стороны этот вопрос, скорее всего, останется принципиальным. Что касается белорусской стороны, то АЭС остаётся вопросом политического имиджа Лукашенко, а также важной экономической составляющей. Беларусь взяла кредит в размере 6 млрд долларов на строительство АЭС у России. Это огромная статья расходов для бюджета Беларуси, которая не может закрыться в один момент, особенно в условиях политического и экономического кризиса, а также международного противодействия в торговле электроэнергией.

Взаимоотношения Литвы и Беларуси в 2019 и первой половине 2020 года

В 2019 году были опубликованы данные социологического опроса, из которых следует, что чуть более 32% белорусов настроены проевропейски. В то же самое время пророссийские симпатии наблюдаются у чуть более 40% белорусов. В 2020 году около 44% литовцев считали Беларусь дружественным государством. Эти цифры нам дают понимание того, с каким бэкграундом Литва и Беларусь подошли к ещё одной вехе в истории взаимоотношения двух стран. Симпатии у жителей двух стран друг к другу по опросам весьма схожи.

В конце 2019 года в Вильнюсе произошло весьма важное событие для жителей двух стран.

В столице Литвы состоялась церемония перезахоронения останков повстанцев 1863-64 гг., в том числе и руководителей этого восстания – К. Калиновского и З. Сераковского. На церемонию были приглашены высокопоставленные гости из разных стран, в том числе и Беларуси. Почему на этом событии стоит остановить особое внимание? Причина в том, что во многом именно это событие стало одним из важных консолидирующих факторов для белорусского общества. К. Калиновского и других повстанцев 1863-64 гг. в Беларуси считают национальными героями. Личность Калиновского входит в первые строки белорусского «пантеона» национальных героев. Сам факт того, что он был идентифицирован и найден спустя 155 лет после своей гибели взбудоражил общественность Беларуси. Несмотря на то, что церемония прошла в столице соседнего государства в будний день, это не остановило тысячи белорусов, которые приехали на прощание со своим национальным героем. Это прощание стало одной из самых массовых акций белорусов в 2019 году. Официальную белорусскую делегацию возглавил вице-премьер Беларуси Игорь Петришенко, который наравне с президентами Литвы Г. Науседой и президентом Польши А. Дудой выступил с речью. Речь И. Петришенко содержала несколько противоречивых опусов и была освистана присутствующими на площади около Кафедрального костёла Вильнюса. Литовское общество было несколько удивлено таким количеством белорусов в Вильнюсе, Беларусь вернулась в повестку дня всех литовских средств массовой информации.

Спустя примерно месяц после событий в Вильнюсе, теперь уже в Минске, прошли массовые акции протеста, которые были связаны с интеграционными процессами между Беларусью и Россией. Тогда А. Лукашенко занял относительно жёсткую позицию по вопросам интеграции с Россией и решил повременить с подписанием каких-либо серьёзных документов, что ставило Россию в весьма неудобное положение. Важно отметить, что в момент встречи президентов Беларуси и России, в

Минске массовые акции протеста не разгонялись. Многие эксперты считали это знаком того, что Лукашенко была важна эта поддержка, которая бы создала определённую картинку и фон для переговоров с Путиным. Тем не менее, после окончания переговоров, многие участники протеста заочно получили штрафы и аресты за участие в них. Власти тем самым продемонстрировали то, что полностью контролируют ситуацию в стране и используют настроения общественности в свою пользу.

2020 год: такое мало кто мог представить

Весной 2020 года по Литве и Беларуси ударила пандемия коронавируса. Страны заняли диаметрально противоположные позиции по отношению к проблеме. Литва, как и многие другие страны, в спешном порядке вводит карантин и закрывает границы. Ежедневные сводки информируют население о текущей ситуации, правительство старается подготовить пакеты финансовой помощи для наиболее пострадавших секторов экономики. В то же самое время в Беларуси начинается поиск «особого пути». Страна не закрывает границы, по каналам государственных СМИ успокаивают людей тем, что «всё под контролем, проблема преувеличена». Эпохальными становятся слова А. Лукашенко о том, что «нужно лечиться козами, тракторами или баней». Запускается даже небольшой флешмоб в интернете, где белорусы высказываются по поводу своей возможной смерти от коронавируса и тех «последних словах», которые скажет А. Лукашенко после их кончины (это вызвано тем, что А. Лукашенко позволял себе уничижительные выражения в адрес первых умерших от коронавируса белорусов). Больницы наполняются больными, пакетов экономической помощи нет, и белорусы понимают, что с проблемой пандемии они остаются один на один. Это приводит к большой волне недовольства и негодования в обществе. По сути, пренебрежительное отношение Лукашенко к жизни и здоровью граждан Беларуси стало одним из катализаторов волны недовольства в обществе. Официальная государственная пропаганда Беларуси пыталась

привязать свою стратегию борьбы с коронавирусом к «шведской модели», однако в силу специфики авторитарной власти, следовать «шведской модели» априори не удалось. Отсутствие свободы слова, факты сокрытия масштабов проблемы и ряд других причин говорит о том, что белорусские власти целенаправленно взяли курс на замалчивание реальных масштабов последствий пандемии в Беларуси.

1 апреля 2020 президент Литвы Гитанас Науседа высказался о ситуации с коронавирусом в Беларуси, призвав руководство Беларуси принимать более решительные меры в борьбе с пандемией. На его заявление последовала жёсткая ответная реакция А. Лукашенко, в которой президент Беларуси посоветовал президенту Литвы «заниматься делами вируса в своей стране». Позже, через несколько недель, у президентов Литвы и Беларуси состоялся телефонный разговор, где были затронуты вопросы международного сотрудничества, а также вопросы коронавируса и Островецкой АЭС. Важно отметить, что летом 2020 года из Литвы в Беларусь всё же был направлен груз гуманитарной помощи, хотя правительство Беларуси официально подчёркивало, что не нуждается в помощи. Литва не единственная страна Европейского союза, которая направляла гуманитарные грузы в Беларусь. Свой гуманитарный груз для борьбы с пандемией в Беларусь направила и Польша.

Забегая вперёд, важно отметить тот факт, что по данным ООН, которые были опубликованы летом 2020 года, смертность в Беларуси имеет аномалию в 5500 человек по сравнению с предыдущими годами. Официальной публикации смертности в самой Беларуси не было, и общество узнала об этом только из данных ООН, которые организация получила от официальных белорусских властей. При том на момент написания этой статьи официальное число умерших от коронавируса в Беларуси составляет 933 человека.

Президентская кампания в Беларуси 2020 года

Перед началом президентской кампании 2020 года в Беларуси многие аналитики предсказывали, что это будет такая же скучная кампания, как и кампания 2015 года. Однако многие не учли несколько важных моментов перед её началом: усталость общества, развитие социальных медиа, участие кандидатов не из «классической оппозиции» и пандемия коронавируса.

Выдвижение таких кандидатов, как Виктор Бабарико, Валерий Цепкало и Сергей Тихановский в качестве кандидатов стало для многих неожиданностью. На этапе регистрации власти традиционно помешали лишь «протестному кандидату» Сергею Тихановскому в регистрации кандидатом, что в итоге привело к тому, что вместо мужа документы подала его жена – Светлана Тихановская, которая затем принимала мало участия в сборе подписей и агитации, но тем не менее, её инициативная группа собрала более 100 000 подписей для регистрации. Виктор Бабарико и Валерий Цепкало собрали гораздо больше 100 000 подписей, но их регистрировать отказались, что в первый раз вывело людей на улицы белорусских городов летом 2020 года. В ЦИК Беларуси решили зарегистрировать Светлану Тихановскую для видимости реальной политической борьбы (как для общества, так и для зарубежных стран, которые всегда пристально следят за президентскими кампаниями в Беларуси), понимая, что она осталась практически без команды и уж тем более не обладает опытом участия в политической кампании. Также власти традиционно зарегистрировали несколько других кандидатов-спойлеров для видимости конкуренции.

То, что произошло потом, возможно, когда-то станет одним из параграфов школьного учебника по истории Беларуси. Светлана Тихановская, ещё вчера являясь обычной белорусской домохозяйкой, объединилась со штабами Виктора Бабарико (в лице Марии

Колесниковой) и Валерия Цепкало (в лице Вероники Цепкало). Три женщины провели возможно самую яркую президентскую кампанию за всю истории Беларуси, собирая многотысячные митинги даже в небольших районных центрах Беларуси, где находится опора электората А. Лукашенко. Финальный митинг в Минске, на котором по разным оценкам присутствовало около 50 000 человек, продемонстрировал властям, что Светлана Тихановская нацелена на победу, а недовольство в обществе настолько сильное, что власти попросту недооценили его.

В то же самое время со стороны Литвы наблюдалась выжидательная позиция. Литовская элита несколько поддавалась на пропаганду белорусских властей в том, что за кандидатами есть серьёзный «российский след» и с настороженностью следила за развитием событий в Беларуси, осторожно проводя коммуникацию с представителями штабов кандидатов. Так называемый «российский след» активно обсуждался в государственных СМИ для того, чтобы обеспечить раскол в обычно монолитном протестном электорате. Это делалось прекрасно понимая, что для большей части этого электората победа открыто «пророссийского кандидата» большее зло, чем Лукашенко. Нужно отметить, что часть протестного электората благодаря этой пропаганде властей действительно отвернулась от С. Тихановской и её кампании.

В итоге, к 9 августа 2020 года в Беларуси сложилась весьма любопытная ситуация. До этой даты ЦИК позаботился о том, чтобы в участковые и территориальные избирательные комиссии не попали независимые члены, а на избирательных участках не присутствовали независимые наблюдатели и уж тем более не участвовали в подсчёте. Команда С. Тихановской также была готова к возможным фальсификациям и смогла мобилизовать тысячи независимых наблюдателей по всей стране. Более того, была разработана платформа «Голос», которая в последствии доказала фальсификации выборов в Беларуси не просто со слов наблюдателей, но и

по свидетельствам самих принимавших в голосовании граждан. За границей была развёрнута широкая кампания опросов на выходе из участка, которая также зафиксировала победу Тихановской уже в первом туре.

Однако, вернёмся к 9 августа 2020 года. В этот день ЦИК Беларуси уже заявил о явке в 40% тех, кто проголосовал досрочно. Безусловно, эта цифра никак не сходилась с цифрами наблюдателей. В день голосования наблюдатели фиксировали массовые нарушения, что вызвало у многих белорусских избирателей настороженность. В основной день голосования на избирательных участках образовались очереди, из-за которых до закрытия избирательных участков не все избиратели смогли отдать свой голос. Члены участковых избирательных комиссий на многих участках отказались вывесить итоговые протоколы голосования и покидали участки в сопровождении правоохранительных органов. Это лишь усилило недоверие к итогам выборов в Беларуси и практически полностью укрепило понимание того, что выборы были сфальсифицированы. После чего последовали массовые акции протеста в Минске, областных и районных центрах Беларуси.

9 августа 2020 года как красная черта

Массовые репрессии, которые были развёрнуты белорусскими властями после закрытия избирательных участков войдут в историю, как одни из самых жестоких за всё время существования независимой Беларуси. На момент написания этой статьи в Беларуси более 14 000 человек прошли через административные аресты, возбуждено более 400 уголовных дел по отношению к мирным демонстрантам, в стране больше 100 политических заключённых, а также убитые и раненые. Из страны выдворены политические оппоненты (в частности, Светлана Тихановская и члены Координационного совета), Тадеуш Кандрусевич (глава католиков Беларуси). Тысячи человек бежали. Европейским союзом на режим Лукашенко вновь наложены визовые санкции. Власти Беларуси развернулись в сторону Кремля в поисках политической и

финансовой поддержки, хотя ещё до выборов фактически обвиняли Россию во вмешательстве во внутренние дела Беларуси.

Межгосударственные отношения Беларуси и Литвы стоит рассматривать здесь в двух плоскостях: общественно-политической и экономической.

Общественно-политическая плоскость

Приняв Светлану Тихановскую в Литве, руководство этой страны де-факто взяло на себя важную общественно-политическую ответственность. В Вильнюсе укрепился штаб белорусской оппозиции, есть полная политическая поддержка и солидарность. Важно отметить, что в этой плоскости Литва может, и скорее всего, будет вести одну из ведущих ролей в ЕС по вопросу Беларуси. Страна поддерживает гражданское общество и политическую оппозицию, а также беженцев из Беларуси, открыв гуманитарный коридор, хотя границы всё ещё на замке из-за пандемии коронавируса. 23 августа в Литве была проведена масштабная акция солидарности, которая соединила живой цепью людей из центра литовской столицы до границы с Беларусью. Такая доминирующая роль не может не отразиться на двусторонних отношениях. В начале октября Министерство иностранных дел Беларуси призвала Литву сократить численность своих сотрудников в Беларуси. В это же время, из Вильнюса был отозван посол Беларуси в Литве, а МИД Беларуси объявил, что вводит ответные санкции в отношении литовских, латышских и эстонских чиновников.

Взяв доминирующую роль в белорусском вопросе, Литва может укрепить свои политические позиции в Брюсселе на общеевропейском уровне. Белорусский вопрос и лидерство в этом вопросе даёт определённые бонусы, в том числе и литовским элитам. Некоторые литовские политики использовали даже бело-красно-белые флаги на агитационных картинках в фейсбуке в рамках избирательной кампании в Сейм Литвы, т. е. есть определённое использование тренда и на внутреннем политическом рынке.

Что касается перспектив взаимоотношений с Беларусью в этой плоскости, то всё зависит от того, какой сценарий будет выбран властями Беларуси и как будут разворачиваться события внутри страны. Литва сделала достаточно твёрдую ставку на белорусскую оппозицию и то, что именно эти люди в обозримом будущем придут к власти в стране, что даст литовским элитам нужные контакты и определённые предпочтения в коммуникации и решении межгосударственных вопросов, в том числе острого вопроса по Островецкой АЭС, в будущем.

Экономическая плоскость

Взаимоотношения в экономической плоскости пока выглядят куда более спокойными, чем политические. Обе стороны делают достаточно осмотрительные высказывания в вопросе экономики, поскольку обе страны от любых острых и резких действий могут потерять большой доход государственного бюджета.

Литовская сторона, как и другие соседи Беларуси, начала гонку за уходящим из страны бизнесом, главным образом в сфере высоких технологий (IT). Несмотря на некоторые послабления, которые были сделаны для высококвалифицированных специалистов из Беларуси, а также релокации целых компаний, Литва всё равно проигрывает в своей привлекательности другим странам (главным образом из-за строгих ограничений в финансовом секторе, а также миграционных вопросах). По состоянию на 15 октября 2020 года, в Украину уехало около 1 200 IT-специалистов из Беларуси (сотни IT-специалистов уехали в Польшу). Также, для Литвы весьма важным является и вопрос транспортно-логистических связей Клайпедского порта. Не секрет, что через Клайпедский порт и железнодорожную сеть Литвы идёт большой поток калийных удобрений, нефти, а также других товаров из Беларуси и в Беларусь. Потерять это направление работы через экономические санкции по отношению к Беларуси было бы большим ударом, в том числе и для экономики Литвы. На момент октября 2020 года загрузка Клайпедского порта белорусским направлением остаётся

неизменной, несмотря на относительно острые заявления белорусского руководства. Ещё одним немаловажным фактором для Литвы в экономической плоскости является транзит, который идёт автотранспортом. Эта область также является важной, поскольку очень многие литовские транспортные компании имеют бизнес-связи с Беларусью и Россией, и любые кризисные ситуации в этой области также бьют по литовскому бизнесу. На данный момент именно этот сектор оказался под наибольшим давлением со стороны белорусских властей. Здесь нет жёсткого закрытия работы, однако по приказу высшего руководства Беларуси для этого сегмента на границе Литвы и Беларуси созданы наиболее жёсткие условия досмотра. Из-за проблем на белорусско-литовской границе перевозчики начали выбирать объездные маршруты. Однако этот шаг со стороны белорусских властей носит скорее символический характер «укола», чтобы хоть как-то ответить за политическую плоскость.

В то же самое время из уст Лукашенко постоянно звучат предложения по переориентации грузопотока из Клайпеды в балтийские порты России. На сколько такие заявления можно воспринимать всерьёз? Это хороший вопрос, поскольку вся логистическая цепочка, инфраструктура этих портов, а также качество выполняемых работ вызовет повышение себестоимости продукции, а также удерживает в себе значительные риски в настройке нового маршрута и всех логистических процессов. Даже если такая переориентация и произойдёт, то это не близкая перспектива (возможно ближайших нескольких лет, если Лукашенко сохранит власть в стране).

Беларусь также намерена бороться и за IT-сектор. Выше уже упоминался факт релокации высококвалифицированных белорусских специалистов в Украину, Польшу и страны Балтии. Из-за этого факта посол Украины в Беларуси получил от МИД Беларуси ноту «за недружественное отношение». Тем не менее, отток кадров продолжается. Наличие в стране политических заключённых, в том числе и в IT-

секторе (главным образом пример компании PandaDoc), постоянные перебои с Интернетом, а также большие репутационные издержки, делают Беларусь всё менее привлекательной для этого вида бизнеса. Улучшений ситуации здесь пока не видно, во всяком случае до урегулирования политического кризиса внутри Беларуси.

Последний важный момент, на котором стоило бы заострить внимание – это Островецкая АЭС. Как уже упоминалось выше, литовскому руководству долгое время не удавалось окончательно решить вопрос с бойкотом электроэнергии на рынок балтийских стран. Латвия не соглашалась с жёсткими условиями. Однако именно политический кризис в Беларуси помог Литве довести этот вопрос до конца и всё же склонить Латвию к принятию нужного для Литвы решения по этому вопросу. Для белорусской экономики Островецкая АЭС также является серьёзным вызовом, особенно в силу слабых возможностей по экспорту электроэнергии. Факт бойкота со стороны Литвы, Латвии и Эстонии отразится на рентабельности станции, а стандарты безопасности останутся камнем преткновения между Литвой и Беларусью и в будущем.

Если подводить краткие итоги по межгосударственным отношениям Литвы и Беларуси после 9 августа 2020, то они напоминают скорее «холодную войну», где в политической плоскости это два абсолютно разных лагеря с абсолютно разными ценностями. В то же самое время глобализация, соседство и экономическая выгода во время пандемии коронавируса заставляют обе страны считать деньги и обращать внимание на бюджет. Это острый вопрос для обеих стран несмотря на то, что потенциал кредитования у Литвы гораздо выше. Белорусское руководство загнало себя в угол, оставив фактически единственный источник финансирования – ресурсы Российской Федерации. Ни Китай, ни Азербайджан не будут так охотно давать средства слабому политическому режиму, поскольку абсолютно нет никаких гарантий возврата этих новых денег,

а для России финансирование подобного рода режимов скорее носит символический жест поддержки и сохранения лица, нежели сколько бы то ни было серьёзной структурной помощи с целью стабилизации рынка, экономики и социальной сферы в этих государствах. О кредитах МВФ здесь также не может быть и речи, во всяком случае в ситуации, пока у власти находится А. Лукашенко.

Перспективы

Прежде чем проанализировать возможные итоги и перспективы взаимодействия Литвы и Беларуси, важно понять какие перспективы возможны в Беларуси в принципе. Во многом именно это будет определять будущее двусторонних отношений.

Ниже автор выделил несколько, с его точки зрения, наиболее вероятных сценариев, которые возможны в Беларуси. Однако перед этим важно определить и основных акторов, которые могут главным образом влиять на изменения ситуации внутри Беларуси.

1. Беларуское общество. В общем-то это главный и самый существенный актор влияния, который есть в Беларуси. Несмотря на то, что по разным оценкам, А. Лукашенко не получил большинства на последних выборах, а по другим оценкам С. Тихановская победила в первом туре, мы можем говорить, что у действующей власти нет электорального большинства, и именно этим фактом вызваны столь длительные массовые протесты, которые длятся уже несколько месяцев. Общество – сложная система горизонтальных связей, а в белорусской ситуации, когда экономика страны завязана во многом на государственном секторе (государственные предприятия), работает государственная пропаганда, существует контрактная система для рабочих, а в стране по мнению ряда экспертов наступил «правовой дефолт», то трудно ожидать от общества солидарных, решительных и монолитных действий. Сейчас это больше похоже на «пожар на торфянике», которые власти пытаются «тушить» имеющимися у них подручными

средствами. Однако важно зафиксировать тот момент, что легитимность у властей в глазах большинства белорусского общества утеряна и вернуть её, сохранив статус-кво, скорее всего, не получится.

2. Российский фактор. Во многом именно российский фактор позволил Лукашенко сохранить свою власть после трагических событий 9–11 августа в Беларуси. Почему российский фактор более важен, чем сама структура государственной власти в Беларуси? Говоря тезисно и кратко, по некоторым опросам Путин в Беларуси более популярный политик, чем Лукашенко. Электоральная база сторонников в Беларуси у этих политиков примерно одинаковая, и уже один этот факт работает во вред Лукашенко. Для силовиков и чиновников всегда важна позиция России в белорусских вопросах. Особенно это касается силовиков, где сильны пророссийские настроения. Если бы у Кремля был план по изменению режима в Беларуси прямо сейчас, то с большой долей вероятности можно было бы говорить, что у них получилось бы это сделать. Добавим сюда большой ресурс российской пропаганды, информационного пространства, а также экономическое давление. Однако, как отмечают некоторые эксперты, Кремлю гораздо более выгоден слабый и безвольный Лукашенко, которым теперь легко управлять с одной стороны, а с другой стороны демонстрировать силу своего влияния.

3. Беларуская вертикаль власти. Обладая существенным финансовым и человеческим ресурсом, а также монополией на насилие, власти Беларуси пока либо не понимают, что происходит, либо делают вид, что не понимают. Это новая ситуация для белорусских элит. Со всех сторон они в общем-то изолированы: для белорусского общества во многом непривлекательны, на Западе неприемлемы, на Востоке они как вассалы. Зажатая со всех сторон в тиски власть вынуждена наиболее активно искать пути выхода из кризиса. Однако она сейчас мало что может предложить всем заинтересованным сторонам, поэтому будет

пытаться реализовывать свою старую «многовекторную политику» и пробовать вносить какие-то косметические преобразования с сохранением статуса-кво.

4. Европейский союз и США. По большому счёту, на белорусской политической арене это самые слабые игроки с самыми слабыми рычагами воздействия на режим Лукашенко. Скорее всего, эти игроки так и останутся с декларациями и визовыми санкциями. Хотелось бы напомнить, что те санкции, которые вводят страны ЕС и США, имеют достаточно ограниченное действие, и белорусские власти научились их обходить. Что касается визовых санкций, то для белорусских элит это просто «камешек в ботинке», который доставляет дискомфорт, но не более того. За 26 лет авторитарного режима Лукашенко в Беларуси ЕС и США в общем-то показали слабость своей политики в этой стране, и вряд ли сейчас что-то изменится, хотя будет декларироваться помощь гражданскому обществу, всячески порицаться действия белорусских властей и звучать призывы к диалогу.

Таким образом, разложив основных игроков на белорусской политической арене, можно назвать несколько основных сценариев, которые могут произойти в стране:

1. Проведение конституционной реформы, парламентские выборы и досрочные выборы президента Беларуси. Один из наиболее вероятных сценариев на сегодняшний день. Это приведёт к некоторой косметической реабилитации власти, будет проведена попытка диалога с теми, кто готов играть по правилам власти. Всё это будет проведено с одобрения Кремля. Политическая оппозиция останется репрессированной, а в тюрьмах останутся политические заключённые, как минимум до окончания всех преобразований. Экономическая ситуация в стране будет стабильно тяжёлой. В качестве разменной монеты для общества будут публично наказаны несколько высоких чиновников и силовиков, а в отставку будет отправлена глава ЦИК. В парламент будут

пропущены оппозиционные партии или кандидаты, которые станут системной оппозицией, а в стране будет сформирована партия власти наподобие «Единой России». К новым досрочным президентским выборам Россия подойдёт более подготовленной, чтобы попытаться назначить именно своего преемника на место Лукашенко, а сам Лукашенко должен будет получить гарантии безопасности для себя и своей семьи. Кроме того, он попытается каким-то образом остаться у власти и влиять на политику в стране. На этом фоне ЕС и США декларируют, что требуют существенных и кардинальных структурных реформ, призывают к реальному диалогу, а также не признают новые выборы и вмешательство России во внутренние дела Беларуси. Оппозиция останется раздробленной, произойдёт массовый отток рабочей силы и интеллектуальной элиты, а само общество станет более пассивным.

2. Стремительно ухудшающаяся политическая и экономическая ситуация не оставляет запас времени на проведение всех политических реформ и новых выборов в удобные для власти сроки и на удобных для неё условиях. По стране прокатывается новая волна забастовок, а вместе с этим и репрессий. Это усиливает брожение в элитах, а также усиливает недоверие Кремля к надёжности и способности А. Лукашенко трансформировать свой режим в нужном для Кремля русле. Власти пытаются наладить «диалог» с как им кажется «конструктивной оппозицией». Кремль, чтобы сохранить элемент контроля и присутствия, выступает как посредник. Освобождается большинство политических заключённых, дисциплинарным наказаниям подвергаются некоторые представители силовых структур, а также глава ЦИК Беларуси. В рядах белорусской политической оппозиции происходит раскол на тех, кто готов сесть за стол переговоров в существующих условиях, а также тех, кто не готов. После этого, под контролем Кремля, происходит конституционная реформа, а затем новые президентские выборы в Беларуси (или наоборот). А. Лукашенко не участвует в новых выборах, но получает гарантии безопасности для

себя и своей семьи. В итоге к власти приходит компромиссная фигура для белорусского общества, власти и Кремля, а в стране начинаются плавные реформы и очень долгий поиск всех виновных в событиях 9–11 августа 2020 года. ЕС и США приветствуют диалог в обществе и заявляют о готовности оказания всесторонней помощи Беларуси и ее новому руководству. Экономическая ситуация остаётся стабильно тяжёлой, но с позитивными движениями в сторону реформ.

3. «Чёрный лебедь» — это некоторые другие сценарии, которые могут так или иначе произойти по стечению обстоятельств. Вот три наиболее вероятные сценария из числа маловероятных:

- Раскол внутри элит (чиновников и силовиков) приводит к тому, что власть в стране изменяется либо на откровенно пророссийского кандидата из числа отколовшихся чиновников, либо на сторонников С. Тихановской. В любом случае А. Лукашенко здесь будет вынужден сесть за стол переговоров с любой из противоборствующих сторон, поскольку, скорее всего, будет происходить разговор с позиции силы.

- Военная интервенция со стороны России в случае развёртывания сценария откровенного насилия на улицах белорусских городов. А. Лукашенко силой отстраняется от власти. Интервенция приводит к установлению переходного правительства под полным контролем Кремля и негодования ЕС и США.

- Внезапная смерть А. Лукашенко также может привести к полному дисбалансу сил в Беларуси. В такой ситуации будет важна позиция общества и элит, а также молниеносность действий Кремля (если только сам Кремль не будет стоять за убийством, а значит будет полностью готов к сценарию).

Какие взаимоотношения Беларуси и Литвы стоит ожидать при каждом из этих сценариев?

В политическом плане для Литвы наиболее выгодна смена власти в Беларуси на проевропейского лидера, с которым можно найти больше общих точек соприкосновения для построения добрососедских отношений (С. Тихановская была бы во многом идеальной фигурой для Литвы). Также, важную роль в таком случае будет играть то, что Литва последовательно старалась занимать позицию поддержки демократии в Беларуси и будет ожидать определённых бонусов за свою поддержку. Со стороны Беларуси, действительно, можно будет ожидать определённых демонстративных шагов в сторону Литвы в качестве признательности за поддержку и солидарность.

Приход компромиссной фигуры, не обязательно проевропейской, будет означать «окно возможностей» для литовских элит, и они будут стремиться наладить добрососедские отношения на взаимовыгодных условиях, найти общий язык и взаимопонимание. Новое белорусское руководство также будет, скорее всего, проводить политику прагматических взаимоотношений.

При косметических переменах или же приходе к власти откровенно пророссийского кандидата для литовских элит станет вопрос выбора: или консервации отношений с Беларусью где будет доминировать линия «в начале реформы – потом диалог», или же попытаться наладить максимально прагматичные отношения с тем, чтобы не потерять лицо в глазах гражданского общества Беларуси с одной стороны, но и удержать тесные экономические взаимоотношения – с другой стороны.

Об авторе:

Кирилл Атаманчик - магистр культурного наследия, общественный и политический деятель.

Дата написания статьи: октябрь 2020.

Belarusian protests 2020 from inside to outside: what about geopolitics?

Dr. Tatsiana Chulitskaya

Introduction

Belarusian elections 2020 are extremely special from the viewpoint of unprecedentedly strong social mobilization and politicization of the Belarusian society. They mobilized those Belarusians who had never been interested in politics, making them follow the political developments, and even turning them into active participants of the Belarusian 'peaceful revolution'. Civic mobilization resulted in the biggest in modern Belarusian history rallies in favor of the opposition candidates (including those who had never been registered officially) before the elections and massive protests after them.

Diverse or even incompatible interpretations exist inside and outside Belarus on the pre- and especially post-electoral periods in the country. Inside, the main public concerns and discussions are focused on internal changes without particular foreign policy agenda. The outside discourse, though, emphasizes predominantly geopolitical dimension of the crisis, the roles of Russia and the West, their interests and actions, regional security etc. Arguably, while the Belarusian public is mostly concerned about the domestic challenges, many external politicians, experts and journalists interpret the whole situation in realpolitik paradigm. Such a duality creates a paradox when the Belarusian people and external observers talk about the same situation in different modalities.

In this essay, I shortly describe and analyze reasons of civic mobilization and protests in Belarus. I proceed with discussion of the main pillars of support of the non-democratic leader of the country Aliaksandr Lukashenka and, finally, the essay looks into the specifics of geopolitical agenda of the Belarusian crisis 2020. In conclusions, I provide some scenarios for the future developments.

Belarusian society: why has it woken up?

Elections 2020 demonstrated essential changes of the Belarusian public sphere and the Belarusian society in general. The first group of changes are societal. We may claim a termination of the previously existing social contract in the country. The main element of this contract was a deliberate refusal of Belarusians to take part in any political activities for the sake of relatively stable personal well-being and social welfare. Instead, citizens had an opportunity to conduct their own business, travel abroad (including educational and labor migration to the neighboring Russia or other countries), and enjoy other individual social freedoms, while a big paternalistic government with a strong leader ruled the country. Developments after elections clearly demonstrate that Belarusians do not follow the conditions of this contract anymore and actively exercise their political and civil rights.

The second change was caused by an external factor of COVID-19 epidemic, which, while being global and inevitable per se, got an inadequate political response from the Belarusian authorities. For a long period, President Lukashenka publicly denied and even mocked the very existence of the virus. However, the pragmatic explanation behind this exaggerated refusal was a lack of economic resources for at least a partial lockdown (which the neighboring countries implemented in different forms) and inability of the heavily centralized public administration to find proper tools or sufficient resources for crisis management. Belarus appears to be practically the only country in Europe without a comprehensive COVID-19 prevention policy. The most vivid failure was inability of authorities to provide sufficient personal protection equipment to the hospitals and doctors. It made people realize they cannot rely on the government to deal with the crisis. A large civil society-driven crowd-funding

campaign ByCovid19 and other civic and private initiatives de facto replaced the failed governmental policy. This growth of grassroots initiatives strengthened horizontal ties and previously rare solidarity practices in the Belarusian society. Limitation of travel and labor migration opportunities for Belarusian citizens came as another consequence of COVID-19. As a result, many Belarusians were literally stuck in the country before the elections.

Nevertheless, the Belarusian authorities either unintentionally missed or intentionally did not pay sufficient attention to the changes in the society. Lukashenka attempted to conduct "business as usual", something that became one of the most critical mistakes of his campaign.

Political changes and errors

The next block of changes had political nature. During the campaign 2020, a new type of opposition candidates appeared, their main peculiarity being their former affiliation with public administration in case of the ex-head of Belarus Hi-Tech Park Valery Tsapkala, or previously friendly links to the governmental business sector in the case of the head of Gazprom-owned Belgazprombank Viktor Babaryka. In addition, Siarhei Tsikhanouski appeared as a candidate who played on Lukashenka's traditional territory of populist public sentiments. Arrests of the two candidates (Babaryka and Tsikhanouski) and a forced departure from the country of the third one (Tsapkala) caused mobilization of the protest electorate. The teams of the unregistered and/or imprisoned candidates united around Sviatlana Tsikhanouskaya, a surprising newcomer of the political scene. Her registration as a presidential candidate was among the fatal errors of the Belarusian authorities and allowed the alternative forces to conduct a successful campaign. The last but not the least, the Belarusian population displayed its general tiredness and irritation with President Lukashenka.

In spite of all the warning signals, the Belarusian authoritarian system did not change its path and massively falsified the outcomes of the elections, announcing Lukashenka's victory with 81% of votes.

Having announced the results, authorities used severe and disproportionate violence against the protests and initiated several days of Internet lockdown. It aggravated the already complicated situation and created additional triggers for a massive protest movement in the country. Importantly, rather than only in Minsk, protests occurred across Belarus. However, repressions in regions are a way more severe than in the capital.

The absence of a single leader or center is another important element of the protests. On the one hand, the coordination of the protests is provided horizontally via online messengers (Telegram channels, in particular). Such channels exist on the national level, with Nexta channel coordinated from Poland being the most famous example, and on the local level, established by urban neighborhood communities for fast and convenient coordination of activities.

On the other hand, protests in Belarus are influenced and even mobilized from abroad by Tsikhanouskaya and the Coordination Council, a special opposition-created institution for crisis management. However, it is a challenging task to evaluate the level of their influence. In general, the lack of protest leaders in the country is simultaneously an advantage from the point of view of their personal security, but also a disadvantage, since citizens do not see leaders. Interestingly, opinion polls demonstrate that the lack of leaders does not play an important role for people in their readiness to protest [1]. In addition, we observe that Tsikhanouskaya's appeals from abroad, such as the People's Ultimatum, did mobilize the population to some extent; yet, it did not achieve a massive national strike which was the main proclaimed goal [2]. Being widespread during the first days after the elections, the strikes at the state-owned enterprises represent single cases rather than a general tendency now. There are at least several reasons of decrease of the workers' protests, including the following: 1) Pressure (including economic, moral and symbolic) on workers by the enterprises' administration; 2) Restrictive Belarusian legislation on labor rights and rights to strike, in particular; 3) Fear and lack of protest experience of the workers.

Summing up, we observe some essential developments in the Belarusian society and politics, influence of external factors (COVID-19 in particular) and mistakes/errors of the President Lukashenka as triggers of protest mobilization. The post-electoral developments are rather intensive; however, it is difficult to predict the most possible scenario of the protests, since they can take any direction. Presumably, the absence of the opposition leaders inside the country, the crackdown on protesters and limitations of strikes come among the most possible reasons of a possible decrease of protests.

The beloved is not to be given up ^[3]

The non-democratic leader of Belarus faces a crisis of internal and external legitimacy. However, he still intends to preserve and protect his own positions in the Belarusian political field. Unlike the positive campaign of the opposition, Lukashenka traditionally resorted to coercive mobilization during the pre-electoral period by forcing people to join the campaign as members of electoral commissions, observers, participants of rallies etc. However, the main target group of his campaign was the army, the police (militia), and all kinds of military and paramilitary institutions in the country. Unprecedented level of violence after the election is a vivid outcome of this tactic.

Lukashenka's subsequent attempts to use positive mobilization by organizing rallies and events did bring some results [4]; still, their general effectiveness is questionable. The last attempt to organize a mass rally in Lukashenka's support in the end of October 2020 failed; the organizers cancelled the event on a pretext of epidemiological security. Experts and journalists, however, claim that the main reason of the cancellation was inability of the government and pro-governmental structures to mobilize enough participants [5].

While positive mobilization is out of the toolkit of Lukashenka's support, his main pillars of support are:

- Military, police, secret services and other coercive institutions and organizations (siloviki). Up until now, we know just about few cases

when officers voluntarily left their positions and supported protests.

- Bureaucracy and state apparatus, civic servants and heads of the biggest state-owned and state-run enterprises. The situation in the public administration is apparently far from stable: since August 2020, Lukashenka has several times reshuffled high-ranking civil servants and siloviki in an attempt to put the most trustful persons on the most important positions. Some ambassadors and MFA officials left their positions and expressed anti-Lukashenka attitudes. However, in general, the bureaucracy-siloviki alliance is still quite consolidated. The heads of state-run enterprises, too, demonstrate loyalty towards Lukashenka.
- The next three groups are more diverse. The first one includes regular supporters of Lukashenka who trust him and the state propaganda. The second group are the people who either do not have a strong opinion about the current events and prefer not to act, or those who are afraid to act because of the repressions. The third group is probably the most sophisticated and the smallest; it unites people who accept Lukashenka as a guarantor of Belarusian sovereignty. Unfortunately, because of impossibility to conduct opinion polls in Belarus, we cannot specify the size of these groups.

Thus, the main pillars of the non-democratic regime and Lukashenka's support in Belarus appear to have been shaped by the non-democratic political system where siloviki always enjoyed the government's generosity. Hierarchical and Soviet-type public administration creates a dependency of the civil servants on the government. Overwhelming propaganda and fear of repressions are among the tools which the government actively deploys for survival.

How much geopolitics?

The Belarusian political crisis 2020 caused many discussions about its geopolitical implications. Meanwhile, from the domestic Belarusian

perspective, there are no geopolitical components in the current political crisis. Rather than expressing pro-Russian or pro-Western choices, protesters are preoccupied with domestic issues. However, the protests could get geopolitical dimension if Russia speeded up integration processes or interfered with the Belarusian events in another way. In this case, the protests might embrace geopolitical agenda and anti-Russian nationalism.

When it comes to the opposition leaders, the situation is somewhat more complicated. During the early stage of the electoral campaign, Lukashenka's main opponents, Babaryka, Tsapkala and Tsikhanouski, remained mostly silent on foreign policy issues. However, multiple rumors, discussions and even Belarusian official propaganda statements portrayed them all, especially Babaryka who is a former head of a Russia-owned bank, as pro-Russian agents of influence. Similar speculations were later spread about Maria Kalesnikava, one of the leaders of Babaryka's team.

Having unexpectedly appeared in the campaign, Sviatlana Tsikhanouskaya claimed to be a technical candidate whose main task was to free political prisoners (including her own husband) and to provide grounds for future free and fair elections. Her campaign's main and practically the only one foreign policy statement was about preservation of the existing international obligations of the country (including membership in the international organizations and initiatives).

After the elections and her forced departure from the country, Tsikhanouskaya became active on the international arena, probably even more active than in domestic issues. The West is her primary dimension of activities; yet, rather than her deliberate choice, this is the only alternative available, since Tsikhanouskaya and her team keep promoting the idea of a balance between East and West. In spite of all public and non-public attempts, Kremlin expressed no interest in negotiations with Tsikhanouskaya, denying her a status of a political actor. Attempts of the Warsaw-based Coordination Council [6] towards communication with Russia did not bring any publicly known outcomes, either.

Having definitely increased her external legitimacy, Tsikhanouskaya's high-level meetings leave an open question about her ability to influence domestic developments in Belarus.

Aliaksandr Lukashenka himself both has created and suffers from the geopolitical implications of the current crisis. After the failed elections, the self-proclaimed president left himself practically no choice but to appeal to Kremlin again. While Lukashenka and state propaganda promoted the image of Russia meddling in the electoral campaign via opposition candidates throughout the campaign, the idea of Russia's role dramatically changed shortly before and especially after the elections. The head of the Belarusian state came back to his previously abandoned rhetoric of brotherhood and unity of the Russian and Belarusian peoples. He also referred to the Russia-lead Collective Security Treaty Organization (CSTO) as a possible tool to deal with a presumed "danger from the West" [7].

While expressing totally pro-Russian attitudes, Lukashenka nevertheless positions himself as a guard of the national security and independence of Belarus skipping the fact that the extremely high level of Belarusian dependence on Russia is an outcome of his own foreign policy since 1994. In addition, while Vladimir Putin expresses public support to his Belarusian counterpart in general terms, their relations are far from cloudless. Kremlin is interested in the decentralization of the heavily centralized political system in Belarus in order to receive an opportunity to multiply its influence via alternative actors, such as political parties, MPs, members of the government etc. The latter encourages Russia to push for constitutional changes in Belarus, which Moscow presents as a tool to resolve the crisis.

Thus, the elections 2020 in Belarus are marked by different interpretations and diverse expectations of political actors. While the public does not focus on geopolitical issues at all, the opposition leaders (Sviatlana Tsikhanouskaya and others) lean to the West. In the meanwhile, Lukashenka appeals to Russia as his only possible ally to preserve himself in power, although the strategic price of this support

might bring about even more dependence upon Russia.

Conclusions

Summing up, the Belarusian political crisis 2020 became an expected and consistent outcome of the non-democratic domestic and foreign policy of Lukashenka. Having followed the 'social contract' and staying out of politics for years, the Belarusian people became a full-scale political actor. High level of civic mobilization and strong horizontal networking turn out to be a 'new normal' in Belarus, although repressions might suppress it. His popular support vividly decreasing, Lukashenka is staying in power mainly because of the military and public administration support. However, there are still people who voluntarily support him. Realizing that Lukashenka is not a legitimate leader anymore, some groups still support him either because of the fear of repressions or because they are convinced that his stay in power is the only way to preserve Belarusian sovereignty. Western politicians, experts and journalists perceive and evaluate the Belarusian political situation from a predominantly geopolitical perspective. While this approach is understandable,

attention could and even should be paid to the vision and interests of the Belarusian people.

In case of Lukashenka's early resignation, Belarus gets a window of opportunity for democratic change, domestically, and decrease of pro-Russian dependency, externally. If Tsikhanouskaya comes to power and conducts new elections, the new president gets favorable positions for negotiations with the West and the East alike. However, the longer period before the new elections, the higher chances are that Russia interferes with the Belarusian situation, orchestrates reforms and promotes candidate(s) in line with its own interests. In the same time, the current political crisis in Belarus demonstrated a high level of unpredictability, making any possible scenarios highly tentative.

About the author:

Dr. Tatsiana Chulitskaya - Faculty of Diplomacy and Political Science, Vytautas Magnus University (Lithuania).

Article dated November 2020.

List of references

1. More on the opinion poll: <https://belsat.eu/ru/news/lyudi-gotovy-vyhodit-tselyj-god-andrej-vardomatskij-rasskazal-cto-proizojdet-s-protestom-s-nastupleniem-holodov/> (accessed November 2, 2020).
2. See <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2020-10-26/belarus-poor-public-response-to-tsikhanouskayas-ultimatum> (accessed November 2, 2020).
3. In Russian "Lyubimuyu ne otdayut", a slogan of Lukashenka's electoral campaign.
4. Organized by authorities and pro-governmental organizations on September 17, 2020, the female rally For Belarus was probably one of the most successful mobilization events. Official coverage: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/zhenskiy_forum_v_minsk_arena/ (accessed November 2, 2020).
5. More on the rally's cancellation: <https://finance.tut.by/news705182.html> (accessed November 2, 2020).
6. In the middle of October 2020, Russian newspaper Kommersant published information about the visit to Moscow of former Babryka's team representatives, now the members of the Coordination Council, who claimed to have meetings with stakeholders in Moscow <https://www.kommersant.ru/doc/4529614> (accessed November 2, 2020).
7. More on possible CSTO involvement in the Belarusian crisis: <https://www.rferl.org/a/russian-military-creep-in-belarus-raises-security-alarms/30874178.html> (accessed November 2, 2020).

Беларусский протест 2020 г. изнутри: как насчет геополитики?

Д-р Татьяна Чулицкая

Вступление

Выборы 2020 г. в Беларуси выделяются беспрецедентным уровнем мобилизации и политизации белорусского общества. Мобилизовались и начали следить за политикой, а то и превратились в активных участников белорусской «мирной революции» те белорусы, которые никогда ранее политикой не интересовались. На волне небывалого гражданского подъема перед выборами прошли крупнейшие в новейшей истории Беларуси демонстрации в поддержку оппозиционных кандидатов (в том числе претендентов, которым было отказано в регистрации), а после выборов – массовые акции протеста.

Внутри и за пределами Беларуси существуют разные, иногда даже диаметрально противоположные взгляды на то, что происходило в стране в предвыборный, а особенно – в послевыборный период. Внутри страны основное внимание приковано к внутренним изменениям, а внешнеполитическая повестка остается на заднем плане, в то время как во внешнем дискурсе в первую очередь подчеркивается геополитическое измерение кризиса, роли России и Запада, их интересы и действия, региональная безопасность и т.п. Можно утверждать, что белорусское общество прежде всего озабочено преобразованиями внутри страны, а многие внешние субъекты – политики, эксперты, журналисты – истолковывают все происходящее в духе парадигмы «реальной политики». В результате такой двойственности наблюдается парадокс: белорусский народ и внешние наблюдатели совершенно по-разному говорят об одной и той же ситуации.

В данной работе кратко описываются и

изучаются причины гражданской мобилизации и протеста в Беларуси. Далее обсуждаются основные опоры власти недемократического руководителя страны Александра Лукашенко, а в конце рассматривается специфика геополитической повестки белорусского кризиса 2020 г. В заключениях даются прогнозы возможного развития событий в будущем.

Белорусское общество: почему оно протестует?

Выборы-2020 продемонстрировали, насколько серьезные изменения произошли в публичной сфере Беларуси и в белорусском обществе вообще. Во-первых, это общественные изменения. Можно говорить о расторжении ранее существовавшего в стране социального контракта, основным элементом которого был сознательный отказ белорусов от участия в политической деятельности взамен на относительно стабильный уровень благосостояния и социальной защиты. Вместо этого гражданам позволялось вести собственный бизнес, ездить за границу (в том числе выезжать на учебу или на заработки в соседнюю Россию и другие страны), а также пользоваться иными индивидуальными социальными свободами, в то время как страной управляло большое патерналистское правительство под надзором сильного лидера. После выборов стало более чем очевидно, что белорусы перестали соблюдать контракт и начали активно пользоваться гражданско-политическими правами.

Вторая группа изменений была обусловлена внешним фактором эпидемии COVID-19, которая, являясь глобальной и неизбежной по своему характеру, не получила адекватной политической реакции со стороны белорусских

властей. Президент А. Лукашенко долго публично отвергал наличие вируса и вообще высмеивал его. При этом прагматичным объяснением, которое стояло за этой бравурной смелостью, является отсутствие экономических ресурсов на то, чтобы закрыть страну хотя бы на частичный карантин (который в разных формах был введен соседними странами), а также неспособность излишне централизованной системы государственного управления найти необходимые инструменты и ресурсы для борьбы с кризисом. Судя по всему, Беларусь является едва ли не единственной страной в Европе без комплексной политики профилактики COVID-19. Наиболее явным провалом стало непредоставление властями в достаточном количестве средств личной защиты больницам и медикам, в результате чего люди поняли, что они не могут рассчитывать на помощь государства перед лицом кризиса. На смену несостоятельной политике властей фактически пришла крупномасштабная кампания Vusovid19, которая была организована силами гражданского общества и финансировалась механизмами массового сбора средств у простых людей (краудфандинга), а также другие гражданские и частные инициативы. Благодаря активизации низовых инициатив в гражданском обществе укрепились горизонтальные связи и ранее редкая практика солидарности. Еще одним последствием COVID-19 стало ограничение зарубежных поездок и возможностей трудовой миграции, то есть перед выборами многие беларусы оказались заперты внутри страны.

При этом всем беларусские власти то ли случайно упустили происходящие в обществе перемены, то ли осознанно предпочли не обращать на них внимание. А. Лукашенко старался править страной как ни в чем не бывало, что стало одной из основных ошибок его кампании.

Политические изменения и ошибки

Еще один блок изменений носил политический характер. В ходе кампании 2020 г. возник новый тип оппозиционных кандидатов, основная особенность которых заключалась в их

предыдущих связях с государством – в случае бывшего главы беларусского Парка высоких технологий Валерия Цепкало, или в бывшем опыте работы в секторе государственного бизнеса, как было в случае руководителя газпромовского «Белгазпромбанка» Виктора Бабарико. Появился и кандидат, игравший на традиционной территории Лукашенко – Сергей Тихановский, который взывал к популистским настроениям общества. Арест двух кандидатов (В. Бабарико и С. Тихановского) и вынужденный отъезд их страны третьего (В. Цепкало) привели к мобилизации протестного электората. Штабы незарегистрированных и (или) заключенных в тюрьмы кандидатов объединились вокруг «темной лошадки» политической сцены Светланы Тихановской. Ее регистрация кандидаткой стала одной из фатальных ошибок беларусских властей, позволившей альтернативным силам провести успешную кампанию. Немаловажно и то, что у населения накопилась общая усталость от Лукашенко, у многих он перестал вызывать что-либо кроме раздражения.

Несмотря на тревожные сигналы, беларусские власти свою тактику не сменили и грубо сфальсифицировали результат выборов, объявив победу Лукашенко с 81% голосов. После объявления итогов власть прибегла к жестокому и непропорциональному насилию в отношении протестующих, а также на несколько дней отключила интернет. Это усложнило и без того напряженную ситуацию и спровоцировало массовое протестное движение, при этом не только в Минске, но и по всей стране. Однако репрессии в регионах гораздо жестче, чем в столице.

Еще одной чертой протеста является отсутствие единого лидера или центра. С одной стороны, протест координируется горизонтально по онлайн-мессенджерам (в частности, каналам Telegram). Есть как каналы общенационального масштаба, наиболее ярким примером которых является канал «Нехта», координирующийся из Польши, так и местные, созданные сообществами микрорайонов с целью быстрого

и удобного согласования действий.

С другой стороны, на протест внутри Беларуси влияние оказывает и даже его подогревает находящаяся за границей С. Тихановская, а также Координационный совет – специальный орган решения кризиса, учрежденный оппозицией. Но оценить степень их воздействия тяжело. В целом, отсутствие у протеста лидера внутри страны является одновременно и преимуществом в плане их личной безопасности, но и недостатком, так как граждане не видят фигуры руководителя. Интересно отметить, что, по данным опросов, отсутствие лидера не играет важной роли в глазах людей в плане готовности протестовать [1]. К тому же, можно наблюдать, что обращения С. Тихановской из-за границы, такие как «Народный ультиматум», в определенной степени привели к повышению активности, но при этом не повлекли за собой действительно общенациональной забастовки, которая ставилась целью [2]. Стачки на государственных предприятиях были распространены в первые дни после выборов, но на данный момент они проявляются в виде единичных примеров, а не общегосударственного тренда. Протест рабочих пошел на спад по ряду причин: 1) давление (экономическое, моральное, символическое) на рабочих со стороны администраций предприятий; 2) ограничительное законодательство Беларуси о трудовых правах и, в частности, праве на забастовку; 3) страх и отсутствие у заводчан опыта протеста.

Обобщая, можно утверждать, что мы наблюдаем существенные изменения в белорусском обществе и политике, происходящие под влиянием внешних факторов (в частности, COVID-19) и ошибок президента А. Лукашенко, которые стали катализаторами протестного подъема. События после выборов носят довольно интенсивный характер, но предсказать наиболее вероятный сценарий дальнейшей траектории протеста сложно, так как ситуация может развиваться в каком-либо направлении. Можно высказать предположение, что отсутствие в стране оппозиционных лидеров,

преследование участников акций и ограничение забастовочного движения послужат причиной возможного спада протестной волны.

Любимую не отдают [3]

Недемократический руководитель Беларуси сталкивается с кризисом внутренней и внешней легитимности, но по-прежнему пытается удерживать и защищать свои позиции на белорусском политическом поле. В отличие от позитивной кампании оппозиции, А. Лукашенко в предвыборный период традиционно брал на вооружение методы принудительной мобилизации и заставлял людей подключаться к кампании в статусе членов избиркомов, наблюдателей, участников митингов и т. п. При этом основной целевой группой кампании являлась армия, правоохранительные органы (милиция) и самые разнообразные военные и военизированные структуры, имеющиеся в стране. Явным итогом этой тактики стал беспрецедентный уровень насилия после окончания выборов.

Последующие попытки А. Лукашенко прибегнуть к позитивной мобилизации – организовать митинги, мероприятия – дали определенный результат [4], но эффект от этих усилий в целом сомнительный. Последняя попытка провести в конце октября массовый митинг в поддержку А. Лукашенко и вовсе провалилась – организаторы отменили мероприятие якобы по соображениям эпидемиологической безопасности, хотя эксперты и журналисты утверждают, что основной причиной отмены стала невозможность для властей и провластных организаций привлечь достаточное количество участников [5].

Можно утверждать, что механизмов позитивной мобилизации в распоряжении у А. Лукашенко не осталось. Основными опорами его поддержки остаются:

- Армия, милиция, спецслужбы и силовые структуры («силовики»). До сих пор известны лишь единичные случаи добровольного ухода сотрудников с

должностей и перехода на сторону протестующих.

- Бюрократия и госаппарат, госслужащие и руководители крупнейших госпредприятий. Да, ситуация в государственной системе управления далеко не стабильна. С августа 2020 г. А. Лукашенко несколько раз перетасовывал высокопоставленных чиновников и силовиков, пытаясь на основные посты поставить самых надежных. С должностей ушло и против А. Лукашенко высказалось несколько послов и служащих МИД. Но в целом союз силовиков и бюрократов выглядит довольно сплоченным. Лояльность А. Лукашенко выражают и руководители государственных предприятий.
- Оставшиеся три группы более разнообразны. Первая – это обычные сторонники А. Лукашенко, доверяющие ему и государственной пропаганде. Вторая – это те, у кого нет категорического мнения, и они предпочитают не вовлекаться, или же те, кто не вовлекаются из-за страха репрессий. Третья группа – вероятно, самая трудноуловимая и небольшая по размеру – это те, кто считают А. Лукашенко гарантом суверенитета Беларуси. К сожалению, из-за того, что в Беларуси невозможно проводить соцопросы, уточнить размер групп нельзя.

Таким образом, основные опоры недемократического режима и поддержки А. Лукашенко в Беларуси, судя по всему, сформированы недемократической политической системой, в которой власть всегда была щедра к силовикам. Иерархическая советская вертикаль власти создает ситуацию зависимости госслужащих от властей. Среди инструментов, которыми активно пользуется власть, также присутствует вездесущая пропаганда и страх репрессий.

Как насчет геополитики?

В связи с белорусским политическим кризисом 2020 г. возникли многочисленные дискуссии о его геополитической составляющей, хотя

с внутрибеларусской точки зрения геополитики в нынешнем политическом кризисе нет. Протестующие не выражают пророссийских или прозападных настроений, их волнуют преимущественно внутренние вопросы. Но у протеста может появиться геополитическая составляющая, если Россия будет пытаться ускорить интеграционные процессы или другим образом вмешиваться в белорусские события. В таком случае протестное движение может принять геополитическую повестку и оттенок антироссийского национализма.

Что же касается оппозиционных лидеров, ситуация немного сложнее. На ранних стадиях электоральной кампании основные противники А. Лукашенко – В. Бабарико, В. Цепкало и С. Тихановский – хранили практически полное молчание по вопросам зарубежной политики. При этом, по многочисленным слухам, дискуссиям и даже утверждениям белорусской официальной пропаганды, их всех, особенно бывшего руководителя подконтрольного России банка В. Бабарико, изображали агентами российского влияния. Схожие догадки позже распространялись и о Марии Колесниковой, одной из лидеров штаба В. Бабарико.

С. Тихановская, неожиданно появившаяся среди участников кампании, о себе заявляла как о техническом кандидате, основная задача которого – освободить политических заключенных (в том числе ее же мужа) и предоставить возможность провести свободные и справедливые выборы. Основным и практически единственным постулатом внешнеполитической повестки ее кампании являлось сохранение существующих международных обязательств страны (в том числе о вхождении в международные объединения и инициативы).

После выборов и ее вынужденного выезда из страны, С. Тихановская стала активно проявлять себя на международной арене – пожалуй, еще активнее, чем во внутренних вопросах. Основным направлением ее активности стал Запад, но это не столько ее сознательный выбор,

сколько единственный имеющийся вариант, хотя С. Тихановская и ее команда продолжают продвигать идею баланса между Востоком и Западом. Несмотря на все попытки, как публичные, так и закулисные, Кремль не выразил заинтересованности вступить в переговоры со С. Тихановской и не признал ее субъектность. Никаких известных общественности результатов не дали и попытки вступить в контакт с Россией со стороны Координационного совета, находящегося в Варшаве [6]. Несмотря на то, что встречи С. Тихановской на высшем уровне безусловно повысили ее международное признание, вопрос о ее способности влиять на развитие событий внутри Беларуси остается открытым.

Именно А. Лукашенко сам обусловил геополитические последствия нынешнего кризиса, с одной стороны, а с другой стороны, сам же от этого страдает. После проваленных выборов самопровозглашенный президент не оставил себе иного выбора, кроме как опять обратиться к Кремлю. В течение всей предвыборной кампании и А. Лукашенко, и госпропаганда продвигали представление, что в кампанию-де через оппозиционных кандидатов вмешивается Россия, но непосредственно перед выборами и особенно после них изображаемая роль России претерпела резкие изменения. Глава белорусского государства вернулся к подзабытой риторике о братских связях и единстве российского и белорусского народов. Он также сослался на возглавляемую Россией Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), как на возможный механизм отражения предполагаемой «опасности с Запада» [7].

Выражая совершенно пророссийские взгляды, Лукашенко при этом позиционируется как защитник национального суверенитета и независимости Беларуси, умалчивая, что последствием его зарубежной политики с 1994 года как раз-таки является крайне высокий уровень зависимости Беларуси от России. К тому же, несмотря на то, что Владимир Путин на словах выражает общую поддержку

беларусскому коллеге, отношения между ними далеко не безоблачны. Кремль заинтересован в децентрализации чрезмерно централизованной политической системы в Беларуси, с тем чтобы получить возможность наращивать влияние через альтернативных субъектов, таких как политические партии, депутаты парламента, члены правительства и т.д. Исходя из последнего, Россия подталкивает Беларусь к конституционным изменениям, что преподносится Москвой как инструмент преодоления кризиса.

Таким образом, выборы 2020 года в Беларуси прошли под знаком различных интерпретаций и противоречивых ожиданий политических субъектов. Общество вообще не уделяет внимания геополитическим вопросам, оппозиционные лидеры (С. Тихановская и др.) склоняются к Западу, а тем временем А. Лукашенко ориентирован на Россию, как единственного союзника, способного помочь ему удержаться у власти, хотя стратегической ценой этой поддержки может стать еще более высокая степень зависимости от России.

Заключения

Подытоживая, можно утверждать, что политический кризис 2020 г. в Беларуси стал закономерным исходом недемократичной внутренней и внешней политики А. Лукашенко. Беларусский народ, который годами соблюдал «социальный контракт» и держался в стороне от политики, превратился в полноценного политического субъекта. Новой реальностью Беларуси стал всплеск гражданской мобилизации и горизонтальных социальных связей, хотя репрессии, возможно, смогут подавить и то, и другое. При очевидном падении поддержки общества А. Лукашенко остается во власти, чему причиной, в первую очередь, является поддержка силовых и госструктур. Остаются и люди, которые поддерживают его добровольно. Понимая, что А. Лукашенко уже не является легитимным лидером, некоторые группы все еще не выступают против него либо под страхом репрессий, либо потому, что считают его власть единственным вариантом сохранения

беларусского суверенитета. Западные политики, эксперты и журналисты воспринимают происходящее в Беларуси преимущественно с геополитических позиций. Этот подход понятен, но следует уделять внимание и представлению самого белорусского народа, его интересам.

Если А. Лукашенко досрочно уйдет с должности, для Беларуси это станет окном возможности в сторону демократизации с внутренней точки зрения и сокращения зависимости от России – с внешней. Если С. Тихановская придет к власти и проведет новые выборы, у нового президента будут благоприятные условия для переговоров и с Западом, и с Востоком. Но чем дольше придется ждать новых выборов, тем более

велики шансы, что в белорусскую ситуацию вмешается Россия, организует благоприятные для нее же преобразования и станет продвигать кандидатов, соответствующих российским чаяниям. При всем разнообразии возможных прогнозов нынешний политический кризис в Беларуси отличается довольно высоким уровнем непредсказуемости, поэтому любые сценарии носят очень ориентировочный характер.

Об авторе:

Д-р Татьяна Чулицкая - Факультет дипломатии и политических наук, Университет им. Витовта Великого (Литва).

Дата написания статьи: ноябрь 2020.

Kas_2021_online

Список литературы

1. Об опросе: <https://belsat.eu/ru/news/lyudi-gotovy-vyhodit-tselyj-god-andrej-vardomatskij-rasskazal-cto-proizojdet-s-protestom-s-nastupleniem-holodov/> (доступ 2 ноября 2020 г.).
2. См. <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2020-10-26/belarus-poor-public-response-to-tsikhanouskayas-ultimatum> (доступ 2 ноября 2020 г.).
3. Слоган кампании Лукашенко.
4. Одним из наиболее успешных мобилизационных мероприятий, пожалуй, можно назвать женский форум «За Беларусь», проведенный властями и провластными организациями 17 сентября 2020 г. См. официальное освещение мероприятия в СМИ здесь: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/zhenskiy_forum_v_minsk_arene/ (доступ 2 ноября 2020 г.).
5. Подробнее об отмене митинга: <https://finance.tut.by/news705182.html> (доступ 2 ноября 2020 г.).
6. В середине октября 2020 г. российское издание «Коммерсантъ» опубликовало информацию о визите в Москву представителей бывшего штаба В. Бабарико, ныне членов Координационного совета, которые утверждали, что у них прошли встречи с представителями политического процесса в Москве: <https://www.kommersant.ru/doc/4529614> (доступ 2 ноября 2020 г.).
7. Подробнее о возможном привлечении сил ОДКБ к решению белорусского кризиса: <https://www.rferl.org/a/russian-military-creep-in-belarus-raises-security-alarms/30874178.html> (доступ 2 ноября 2020 г.).

The text of this publication is published under a Creative Commons license: "Creative Commons Attribution- Share Alike 4.0 international" (CC BY-SA 4.0): <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.de>

Текст этого издания публикуется с лицензией Creative Commons: "Creative Commons Attribution-Share Alike 4.0 international" (CC BY-SA 4.0): <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.de>

Photo by Joel Filipe / Фото Жоэля Филипе
<https://unsplash.com/photos/Wc8k-KryEPM>

December 2020 / Декабрь 2020